

Ольга Вечная

СОДЕРЖАНКА

18+

КНИГА 2

Ольга Вечная

Содержанка. Книга 2

«Автор»

2026

Вечная О.

Содержанка. Книга 2 / О. Вечная — «Автор», 2026

— Что ты здесь делаешь? — выпаливаю, сжимая ручки коляски. Пульс в момент достигает максимума.— Привет, Ива, — холодно улыбается Алекс.Окидывает медленным взглядом. В руках сжимает букет красных роз.Мы не виделись почти два года, он не мог забыть, как сильно я ненавижу эти цветы.Сынок мирно спит. Алекс к нему не кидается, но это к лучшему. Не позволю.— А как ты думаешь, что я здесь делаю? Приехал познакомиться с сыном.Я была содержанкой Алекса, а когда забеременела, он ребенка не захотел. Платил алименты, только чтобы избежать скандала. У него была своя жизнь. Насыщенная и яркая. За тысячи километров от нас.И вот он здесь.Зачем?Знать не хочу, что изменилось! Вот только он не оставляет выбора.

Содержание

Книга 2	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	39
Глава 13	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ольга Вечная

Содержанка. Книга 2

Книга 2

Все вымышлено. Любые совпадения случайны

Глава 1

Почти три года спустя после событий первой книги

— Морозит. Это нормально? — спрашиваю, потирая предплечья.

— Сейчас посмотрим. Как часто схватки? — Врач внимательно листает обменную карту.

— Каждые три минуты. Я от них проснулась, засекла время и сразу вызвала скорую.

Поглаживаю твердый живот, с которым успела сродниться, и тревожусь. Тревожусь так сильно, что самой себе объяснить причину не могу. Столько готовилась к этому дню! А он все равно застал врасплох.

Сынок что-то притих, последние пару дней он ведет себя скромно, хотя до этого крутился так резво, что я не раз вспоминала «добрым» словом его непоседливого отца. Потягивался, пихая длинные ноги под ребра. «Высокий будет», — пророчили доктора. Отвечала, что есть в кого.

Зажмуриваюсь, проживая очередную схватку. Все сильнее и сильнее они. Вдыхаю шумно. Боже, помоги.

— На кресло, — командует врач.

Я слушаюсь, хотя это и выходит не слишком ловко. Стараюсь расслабиться.

— Вы в родах, Иванна. Сумка с собой?

— Да.

Кожу покалывает, пока сдаю анализы и выполняю необходимые процедуры. Скоро увижу ребеночка. Счет пошел на минуты. Потряхивает.

— Сынок, ночь нам предстоит сложная. Слышишь? Скоро увидимся, — шепчу я губами. Он знает об этом. Оба знаем. — Так надо. Слышишь? Потерпи, маленький. И я потерплю с тобой.

Это был долгий путь в целых девять месяцев. Сейчас кажется, что время быстро пролетело, но на самом деле — ничего подобного. Месяцы были утыканы бесконечными одинокими вечерами, как мозаика пустыми клетками. Вся моя жизнь в последние годы — это сплошные одинокие вечера! Но больше я никогда не буду одна. Никогда на свете.

— Пойдемте, — приглашает медсестра с улыбкой.

Замечательный здесь персонал. Они будто искренне рады, что я приехала в четыре утра с пакетом и схватками. Неделю не доходила до срока. Мама перехаживала, я тоже настроилась и не спешила. Завтра по плану фотосессия и обед с подругами. А оно вон как вышло. Мальчик импульсивный, решил, что пора, и стартанул. Кого-то он мне напоминает.

Это я человек-план, режим. Мы посланы друг другу небом, не иначе.

Лифт поднимает на пятый этаж, я захожу в родзал. Хватаюсь за косяк и резко наклоняюсь.

— Схватка? — участливо спрашивает врач.

Киваю. Боже. Ты. Мой! Аж глаза из орбит вылазят — вот это ощущения! Прижимаю руку к животу. Надеюсь, тебе там повеселее.

Слез, кстати, нет. Я разучилась рыдать из-за ерунды. С первым днем задержки словно отшпентали. А может, весь запас выплакала до этого.

Схватка отпускает, я кое-как выпрямляюсь и подхожу к кушетке. В этот момент внутри что-то лопается, и теплая вода течет по ногам. Пульс разгоняется до максимума, следом пронзает обескураживающая боль. Сжимаю спинку кровати и пытаюсь дышать. Да какое там!

— Анестезию. Пожалуйста, — выпаливаю. — Я, кажется, умираю.

Голова кружится. Врач с акушеркой подбегают и помогают лечь.

— Милая моя, не успеваем уже. Давай на кресло. Лариса, готовься. Зови неонатолога.

Воздух наполняется суетой. Я попадаю в эпицентр событий, в ситуацию, контролировать которую невозможно.

— Уже?! Я только приехала.

Все еще нахожусь в бескрайнем космосе одна-одинешенька, ни на что и ни на кого не влияя. Перед глазами самолет, который отрывается от земли, а внутри тоска и тревога. Сколько раз я видела за последние годы самолеты? Не счесть. И каждый раз они предвещали или короткую встречу, приправленную горечью прощания. Или долгую разлуку.

— Тут не отель, чтобы обжиться, — подмигивает акушерка. — Хотела кофе попить, но не успеваю.

— Кто ж знал, что у нас такая скорая первородка, — отвечает врач. — Сейчас закончим и поьем.

— Я тоже хочу кофе, — шепчу, стараясь поддержать атмосферу.

У самой же сердце едва не разрывается. В висках долбит, и боль внизу живота. Много боли. Скручивающей, ошеломляющей.

Медики смеются.

— Ты еще не проснулась разве?

— Капец. Это какой-то капец... — бормочу, забираясь на кресло.

— Та-ак, поглядим. — Акушерка присаживается у моих ног.

Врач рядом, у изголовья.

В кабинете откуда ни возьмись появляются еще несколько врачей. Я сегодня звезда ночи, кажется. Еще бы! Жена предпринимателя, гендиректора и архитектора «СоларЭнерджи», миллиардера и секс-символа Александра Равского рождает единственного наследника. Папочка наш то и дело в телике, мало кто о нем не слышит. Он сейчас где-то в Сингапуре тусуется. Ненавижу!

Зажмуриваюсь от новой гаммы ощущений.

— Да уж, сексом заниматься было приятнее, — шепчу сквозь зубы.

Врачи снова смеются. Я откидываюсь на спинку и тоже улыбаюсь, чтобы через пару вдохов стиснуть зубы. Андреева сказала, что рождение ребенка — это как работа. Финальная часть проекта, который надо доделать. Через боль, страх, тревогу. Иного пути нет. У нее трое детей, ее можно слушать в этом вопросе.

Дышу часто. Нужно немного потерпеть...

Ради новой жизни. Ради моего сокровища. Моего сердца, которое я сохранила и полюбила всей душой. Ради моего мальчика, которого никому не дам в обиду ни при каких обстоятельствах.

Вопреки всему миру. И вопреки сухому распоряжению его отца, полученному в ответ на новость.

Глава 2

Чуть больше года спустя

Иногда я сравниваю свою жизнь с мозаичным ковром. Во времена занятий спортом на нем был четкий и выверенный рисунок. Ни пропуска, ни лишнего штриха. Я выкладывала детали с восторгом и страстью! Поэтому, когда сломала ногу и не смогла больше использовать привычные материалы, мой ковер быстро потускнел и поблек. Тошно было смотреть на него. Как и в зеркало.

Тогда и появился Алекс. Необычный, яркий, смелый мужчина с безумными мечтами. Он был старше, опытнее, успешнее. И я влюбилась так сильно, как только могла! На всю мощность, что выдавало сердце.

Влюбилась в его запах, тепло, в его ум и талант. Я была без ума от того, как он занимается любовью. Как ухаживает и заботится.

Алекс показал, что жизнь — штука переменчивая. И главное наше качество — гибкость. Сам он, как и положено бизнесменам, не единожды проваливался на дно и каждый раз взлетал высь. Наверное, я всегда буду благодарна отцу своего ребенка за эту науку.

И за моего сына, разумеется. За маленького кудрявого Демьяна.

— Эй! Да стой же ты! — кричу я и, бросив коляску, кидаюсь в погоню.

Дёма визжит от восторга. Ему год и месяц, но к своему возрасту сын, увы, так и не научился ходить. Сразу — бегать. Причем на какой-то космической скорости! У меня, конечно, опыта материнства не так много, но видно же по другим детям. Моего можно выставить на марафонские бега.

Дёма оглядывается, дабы убедиться, что мать поспекает. И, взвизгнув, несется дальше. Эту дорогу он знает прекрасно: мы идем по аллее к его любимой площадке.

— Дёма! Сейчас поймаю же и съем! — комично-устрашающе кричу я, специально замедляясь, чтобы он подольше чувствовал себя победителем.

Демьян добегают до ларька с мороженым, останавливается и преданно смотрит на витрину. Когда здесь поставили этот ларек, жизнь всех мам района здорово усложнилась. Иногда в самой глубине души мне хочется его сжечь какой-нибудь безлунной ночью.

— Мы договорились, что купим после прогулки. Нас ждут тетя Лена с Гордеем.

Демьян глядит на меня, я на него. После чего он просто ложится на землю, раскинув руки-ноги звездой. Я закатываю глаза, скрещиваю на груди руки. Начинается.

Середина августа, прекрасная погода, земля теплая. Он не застудится, переживать не стоит. Лишь кровушки моей высосет.

Ар-р.

— Дёма. Дём, нас ждет Гордей. С этим, как его, блин... экскаватором. Поиграем, затем все вместе купим мороженое. Представь, что ты сейчас будешь есть, Гордею тоже захочется. — Понизив голос, добавляю: — Придется делиться.

Демьян лежит звездочкой и осмысливает. Он очень умный мальчик. Резвый, развитой. Но капец как любит замороженный лед.

Минуты тянутся. Демьян показательно лежит, я на него смотрю. Лена пишет, что они на месте. Фотографирую Дёму и скидываю ей.

— А что это за вредный мальчик? — раздается мужской голос. Грозный, но знакомый. — Заберу-ка я его к себе. Займусь воспитанием!

— Пап, привет! Не нужно так делать, — быстро прошу я. — Дёма просто лег передохнуть. И дедушку своего совсем не знает. Папа неуклюже приобнимает меня.

Три года назад отца уволили с работы, он сильно запил. И мы с мамой... не смогли на это смотреть. Устроили в клинику. Папа пришел в себя, вроде как... раскаялся, попросил у мамы

прощения за все ужасы, что причинил ей. Переехал в Москву, хочет родниться. Его Женя вроде бы неплохая.

Но на семейные праздники мы их не приглашаем. Некоторые вещи, наверное, не забываются.

— Я всегда забираю невоспитанных мальчиков! — вновь басит папа, помогая воспитывать сына. — Поджарю в печке и съем!

Дёма подскакивает и кидается мне на шею. Испуганно прижимается. Я просто беспомощно развожу руками. Отцу бесполезно что-либо говорить, он абсолютно уверен, что поступает правильно.

— Пап, я не просила помощи.

— Там Женя завернула подарки. — Он передает пакет. — Я не смотрел, но, может, пригодится. Ну как не просила! Жалко мне тебя, вся высохла с пацаном. Он творит что хочет.

— Спасибо большое, здорово! — перебиваю. Потом, помолчав, добавляю из вежливости: — Погуляешь с нами?

— В другой раз, на работу спешу. Заскочил передать вот. Узнать, как ты.

— Спасибо, сохну помаленьку. Жене привет передавай.

Папа неуклюже прощается и уходит, а я подбрасываю Дёму и, обняв покрепче, возвращаюсь к коляске.

— Поиграем с Гордеем, а потом все съедим по мороженому, идет?

Сын кивает.

Не удержавшись, я зацеловываю ему щеки, Демьян радостно хохочет, а у меня внутри такая лавина любви и нежности, что я этому парню даже сочувствую, ведь вся она — в его сторону.

Если сравнить мою жизнь с мозаикой, то сейчас она снова яркая. Я леплю ее сама, какими угодно цветами, выкладывая на свой вкус рисунки. Не заботясь об идеальности. Наконец мы с сыном счастливы, и это ли не главное?

— Ива, может, посидеть с Демьяном? — Лена делает глоток кофе из пластикового стаканчика. — Думаю, за одну ночь ничего не случится. Вы с Русланом сходите на нормальное свидание.

Мы сидим у песочницы, в которой парни играют в экскаваторы, и следим, чтобы никто не кидался песком.

— Я маму попрошу, наверное, если соберусь. Дёма плохо засыпает, я издержуюсь на празднике. Так что вряд ли. Но спасибо.

— Сколько вы уже встречаетесь?

— Три месяца.

— И?

Руслан — спортивный агент, приятный парень и, что главное, прошел проверку Андреевой. После поступка Равского Алла Теодоровна еще придирчивее относится к кандидатам на мое сердце и на роль отца Демьяну. Будто чувствует вину. Она пригласила нас с Русланом в загородный дом на празднование дня рождения, но я никак не решусь оставить сына на целую ночь.

— Мы ни разу с Дёмой так надолго не разлучались. Дурно от одной мысли. Ладони потеют, дыхание учащается. Стресс налицо.

— Рус тебе не нравится?

— Нравится. Завтра мы в договорились погулять в парке. Дем к Руслану хорошо. Да и не могу я уже одна.

— Надо разрывать этот замкнутый круг и жить полной жизнью.

— Надо. Может, Дёма еще чуть-чуть подрастет...

— Руслан станет так долго ждать?

— Не знаю. Важный плюс в том, что он не боится Алекса. Совсем. Не шарахается от меня, избегая проблем. Я это ценю. Алекс там развлекается на полную, недавно опять наткнулась на фото, где он за руку с какой-то моделью выходит из клуба... — Передергивает. — Вот пофиг уже давно, клянусь! А все равно реагирую. Обида душит. Тоже хочется женского счастья. Знаешь, чтобы не все самой, а кто-то плечо подставил. И Дёму жалко. Смотрю, как Гордей к папе бежит, сама думаю: чем мой хуже? Господи. Аж слезы выступают. — Вытираю уголки глаз.

— Ив, ты меня или себя убеждаешь? Я давно на стороне Руса.

Вздыхаю.

— Посмотрим. Завтра в парке погуляем, там видно будет. До праздника еще есть время.

Глава 3

Мое личное парковочное место свободно.

В тот день, когда мы познакомились с Русланом Волошиным, оно было занято его бэхой. Мне пришлось парковаться непонятно где, а потом тащить десятикилограммового ребенка на руках.

— Ты там не спишь? — Поглядываю в зеркало заднего вида, втискиваясь между двумя крузаками. — Эй, парень, у нас рабочий день. Только попробуй вырубиться!

Включаю музыку погромче и пританцовываю. Дёма равнодушно покачивает подбородком в такт, дескать, пожалуйста, только отстань. Прыскаю! В этой новой кепке с логотипом баскетбольной команды он выглядит крутым рэпером. Я же с удовольствием читаю название своей компании на табличке и улыбаюсь.

«Фонд поддержки спорта высших достижений» мы с Равским открыли почти четыре года назад, когда были женаты и счастливы. Алекс решил заняться благотворительностью и поручил этот вопрос мне. Поначалу ужасно испугалась и отнекивалась, но чуть позже — идея захватила. Кучу времени я проводила в стенах этого здания, столько сил, любви и денег вложила! Немерено. Но и результат превзошел себя.

Механизм отлажен, фонд функционирует без меня, позволяя спокойно сидеть в декрете. Я приезжаю сюда три-четыре раза в неделю на несколько часов, сегодня как раз такой день.

Достаю Демьяна из автокресла, прижимаю к себе. Закидываю на плечо сумку с подгузниками, бутылкой и прочими детскими принадлежностями. На мне джинсы, топ для кормления, черный пиджак и лодочки, которые позже в парке я планирую сменить на кроссовки.

Не успеваю сделать и пары шагов, как ослепляет вспышка фотоаппарата. Поднимаю руку, загораживая нас с сыном от света.

— Иванна Ершова-Равская, можно вас на пару слов? — Репортер вновь делает снимок. — Вы чудесно выглядите! Ваш секрет — материнство?

Я быстро достаю телефон и набираю охрану. Пальцы подрагивают, мы втроем на парковке. Как так могло получиться?

Спешу в сторону лифта. Не отвечаю. Не реагирую. Знаю этого урода, много он мне нервов попортил. Когда-то давно я остро воспринимала.

— Ива, расскажите, в чем секрет вашего похудения? Диета или операция? Вы все еще кормите грудью?

О господи!

— Никита, тут Быков, — ругаюсь я. — Еще раз подобный прокол, и я приму меры!

— У Демьяна гиперактивность, как и у отца? — не отстает журналист. — Как вы относитесь к роману вашего бывшего мужа и модели Джеммы? Ответьте хоть на один вопрос, а то вас скоро уже все забудут!

Я не успеваю за романами отца своего сына!

Хочется рывкнуть, но уроки судьба давала болезненные, поэтому лишь стискиваю зубы. Любое случайно оброненное слово может и будет использовано против меня.

Жму на кнопку вызова лифта. Быков — мой личный враг. Как только двери разъезжаются и на подземную парковку выбегает охрана, я захожу в кабину и нажимаю номер этажа.

— Разбейте его телефон, — бросаю вслед. — И камеру!

Я категорически против насилия, но в случае Быкова — ругать не стану.

Ужаснейший человек. Сколько ссор с Алексом из-за него было! Прилепился к нашей паре и провоцировал. А я не могла справиться с собой, читала его статьи, плакала. Мой развод стал взрывом его карьеры, сейчас за нами с Дёмой следить не так интересно. Мы то на пикнике

в парке, то на площадке на качелях. И да, я сильно похудела во время беременности и после родов. Без диет и операций.

Австралийскую визу, увы, мне так и не дали.

Поэтому два года брака мы с Алексом встречались на нейтральной территории. Из-за частых перелетов, полностью сбившегося режима и стрессов я прилично поправилась и дико стеснялась этого.

СМИ были жестоки: искали ракурсы, где я выглядела особенно крупно и неприглядно, ставили такие фото рядом с теми, что были сделаны на пике карьеры, когда я весила сорок четыре килограмма. Смеялись, осуждали! Какими только эпитетами меня не одаривал Быков! Алекс прилетал в Россию, искал его лично — тот прятался. Дважды бил. Но всех не заткнешь. Нашу пару часто обсуждали, и не всегда в положительном свете.

Джемма какая-то... Встряхиваю волосами. Я только отвлеклась и забыла.

На здоровье, Алекс! Развлекайся, ради этого ведь все было затеяно! Детдомовский мальчик нагибает мир и трахает все, что нравится, доказывая, что зря его недооценивали.

— А мы в парк поедem, да, Дём? У нас своя программа. И ты у меня вырастешь адекватным.

Закончив с делами, мы с Дёмой обедаем и едем. По пути танцуем под громкую музыку, я пытаюсь выплеснуть энергию и успокоиться. Настроиться на свидание. Демьян поспит, мы с Русом в это время поболтаем, выпьем кофе.

Не могу сказать, что у нас роман. Скорее, приятельствуем чуть ближе, с перспективой развития отношений. Волошину тридцать шесть, он в разводе, и у него дочь. Занятой успешный мужчина, с которым интересно поддерживать разговор, ведь мы оба работаем в сфере спорта и имеем общих знакомых.

Влюбляться я больше не планирую. Ни за что на свете! Хватит сполна. Плавали.

Друг моего бывшего мужа, Борис Воеводин, как-то подметил, что любовь — это состояние опасной неадекватности и потери психического равновесия. Я с ним согласна. После романа, что у меня был, с трудом поймала баланс и лишаться его не намерена.

У мамы с Сергеем прекрасные отношения. Что-то подобное как раз мне и нужно.

А любовь... от нее ведь сплошные страдания.

Мы с Дёмой приезжаем раньше положенного времени, некоторое время качаемся на качелях, после чего я нахожу укромную лавочку, спускаю ляжку топа и, прикрывшись пиджаком, кормлю сына грудью.

Лохмачу тонкие вьющиеся волосы, улыбаюсь, наблюдая, как причмокивает. Я уже порядком устала кормить, но никак не могу завершить процесс. Кажется, еще немного... недельку, месяцок. Вдруг эти полные нежности моменты больше не повторятся в моей жизни?

Я правда хочу отпустить Алекса с миром. Мы много работали с психологом, и я искренне стараюсь концентрироваться на всем хорошем, что получила от бывшего мужа. Но иногда срываюсь. Слишком одинокой была беременность, слишком болезненными — роды. Обескураживающие чувства, которые сейчас, даже будучи разорванными в клочья, причиняют боль. Моя душа болит. Ничего ведь не забыла! Господи, вот ведь Быков взбаламутил!

Ну где там Руслан? Опаздывает.

Виду, конечно, что не отболело, никому не показываю. Это лишь мое, сокровенное. Для всех я успешная соло-мамочка, у которой все замечательно.

Дёма засыпает, и я аккуратно перекладываю его в коляску. Укрываю пледом, расправляю капюшон от солнца и люблюсь.

Русла-ан! У нас пара часов драгоценной тишины, которые начинают таять уже сейчас.

Поднимаю глаза — на аллее никого. А вот метрах в двадцати, на лавочке, сидит мужчина. Глаз с меня не сводит и, едва я замечаю столь пристальное внимание, поднимается.

Моргаю. Один раз, второй, третий.

Мужчина направляется в нашу сторону, а мне становится дурно. Этого не может быть.

Бред какой-то. Галлюцинации.

Пульс в момент достигает максимума. Аккуратное полотно славной мозаики дрожит, рассыпаясь. А я ведь так старательно его выкладывала.

Темные волосы, белая рубашка. Букет ярко-красных роз...

Господи, нет!

Я задерживаю дыхание, не веря, что это происходит.

Бывший муж ловит мой взгляд и... холодно улыбается.

Глава 4

— Что ты здесь делаешь? — выпаливаю, сжимая ручки коляски.

— Привет, Ива, — произносит Алекс.

Голова кружится. Два года я его не видела, не слышала голос, не чувствовала на себе взгляд. Я почему-то решила, что мы не увидимся уже никогда. Что он — человек из прошлого, из другой жизни. Параллельной. Где незнакомые пейзажи далеких стран, куда мне путь заказан. В моей же реальности Алекс — лишь сумма, которая каждый месяц в точный день падает на счет.

Равский медленно окидывает взглядом. Ярко-бордовые розы тяжелым букетом сигналият об опасности. Не мог он забыть, как сильно я ненавижу эти цветы, в нашей семье — символ домостроя и беспомощности. Он приехал, и приехал не с миром.

Хотя о каком мире может идти речь? Друг другу сказано слишком много.

«Рафа, я беременна. Это не шутки. Раф! Я в панике, не знаю, как так вышло, таблетки, видимо, не сработали».

«Поздравляю».

«Это твой ребенок! Блин, придурок ты. У меня других не было. Я могу доказать, сделать тест. Алекс, давай созвонимся и обсудим. Я умоляю тебя, давай обсудим ситуацию. Я готова прилететь куда скажешь».

«Ива, мне это не надо».

«А мне, мать твою, что делать теперь? Я боюсь, блин, до смерти. Мне страшно!»

«Мне это не надо. Сделай аборт».

Душу сжимает клещами так, что тошнит. Я сохранила переписку, заскринила на память. Никогда не покажу ее Демьяну, он не заслуживает такого. Ни один ребенок не заслуживает. Паникующая мать и равнодушный отец... убожество. Она только для меня. Чтобы не забывать, как страшно и одиноко было в то время. Какую дыру в сердце залечивала.

Сынок мирно спит в коляске на свежем воздухе. Алекс к нему не бросается, но это и к лучшему. Я мгновенно зверею и понимаю, что не позволю даже дотронуться! Боже, я даже смотреть на него не дам!

Солнышко ласково греет, птички поют. Наш парк — чудесное место, вот только сейчас здесь разворачивается сражение.

Алекс смотрит в упор. Улыбка на лице тает, и в подобном серьезном состоянии он выглядит угрожающе.

Он изменился за эти два года. А может, просто никогда не общался со мной в таком тоне? Раньше.

Но я изменилась тоже. Поднимаюсь с лавки и выпрямляю спину. Через силу разжимаю пальцы, а то, кажется, бедные ручки коляски треснут.

— Как ты думаешь, что я здесь делаю? Приехал познакомиться с сыном.

Мы смотрим друг на друга.

— Это тебе. — Алекс протягивает букет.

— Спасибо, — принимаю с легкой улыбкой. — Ух, тяжелые! — Плюхаю на лавку.

Тошнотворный запах дурманит, но виду не показываю. У тебя не получится так легко меня уделать.

— Я полагала, что не увижу тебя никогда, поэтому без ответного подарка. Уж прости.

— Как это без подарка, — кивает Алекс на коляску.

У меня внутри планеты сходят с орбит, звезды взрываются, вселенные схлопываются.

— Это не подарок, это ребенок, — поправляю. — Настоящий.

Алекс смотрит на коляску, на выглядывающие из-под пледа ножки в белых носочках. Я разула Демьяна, чтобы было удобнее спать.

Неимоверным усилием воли заставляю себя стоять на месте и не кинуться закрывать сына собой. Понимаю, что это бесполезно. Не с Алексом. Я знаю, как он ведет дела. Его бизнес мешал многим, но никто не смог остановить этот убийственный водопад.

— Я в курсе, что настоящий.

— Это мой ребенок.

— Наш ребенок.

— Ты его не хотел, я это приняла и не лезла к тебе, — мягко улыбаюсь и придаю голосу милые нотки.

Дёма спит крепко, но всегда какими-то скрытыми локаторами улавливает мои интонации. Если нервничаю, он просыпается и истерит. Истеричный Демьян — это конец свет.

— Ни одного слова о тебе плохого не сказала прессе. Я была очень хорошей девочкой. Алекс, не лезь теперь ты к нам.

— У меня прав столько же, сколько и у тебя. Ровно половина, — отвечает он так же мило, но на лице ноль эмоций. Лишь железный нажим.

Он прямо сейчас меня продавливают. Таким тоном Алекс увольняет людей.

В ушах шумит. Я в таком шоке, что с трудом соображаю.

— Ты надолго в России?

— Надолго. Сына хочу видеть каждый день. Время сообщу позже: мое расписание еще составляют. Он скоро проснется?

Это сон. Это какой-то кошмар. Часы на руке вибрируют, мне кто-то звонит, но я не в силах отвлечься.

— Алекс, это ребенок, а не игрушка. Он маленький человек. Нельзя вот так вдруг появиться в его жизни, поиграть, потом исчезнуть. Он не железная гимнастка, с ним нельзя как со мной. — Осознаю, что в голосе прорезается паника.

Часы вибрируют. Алекс будто не слышит, продолжает гнуть свою линию:

— Тебя на этих встречах, Ива, я видеть не хочу.

Кидает в жар.

— Это исключено.

Равский продолжает тем же спокойным тоном:

— Я снял квартиру недалеко от той, что купил тебе. Будешь привозить сына и забирать.

— Исключено, Алекс. Я не оставляю Демьяна ни с кем, кроме мамы. И то максимум на пару часов.

От стресса, ужаса или взрыва гормонов у меня грудь колет иглами, молоко приливает. Такого сто лет не было, лактация зрелая. Я давным-давно перестала носить вкладыши в белье, они просто были не нужны.

Сейчас понимаю: что-то не то. Опускаю глаза и вижу на топе пятна. Господи! Вмиг чувствую себя еще более уязвимой, хотя подобное представить сложно! Алекс делает шаг назад. Видел ли он это? Наверное... Я быстро хватаю пиджак, надеваю и застегиваю на пуговицы. Пульс бахает, молоко продолжает прибывать, словно мой ребенок в опасности и организм делает все возможное, чтобы его спасти.

От отчаяния выступают слезы, не знаю, каким усилием сдерживаюсь.

Демьян начинает крутиться. Я наклоняюсь и баюкаю шепотом:

— Тише-тише, мой зайчик, мой родной, мой хороший. — Сердце горит пламенем, но голосом я владею. — Мамино сокровище, мамин котеночек. Тш-ш-ш. Мама тут, мама рядом.

Дем расслабляется и продолжает сопеть. Он такой красивый, что иногда, когда я смотрю на него, мне больно от любви, которую испытываю. Она не помещается в моей поломанной, выдрессированной тренировками душе.

К нам кто-то подходит, смятение не позволяет сразу обернуться. Полагаю, это может быть охрана Алекса. Я и так беспомощная, еще и молоком тепер пахну перед толпой мужчин!

— Добрый день!

Низкий голос Руслана облегчением прокатывается по спине.

— Привет! — Поднимаюсь с улыбкой.

Рус приобнимает меня, мы целуемся в щеки. Дальше не заходили пока, но даже такие прикосновения волнуют. Так близко со мной других мужчин не было. Я делаю еще одно движение, и мы чмокаемся в губы.

Он приятно удивлен, но вида не подает. Я просто знаю его уже, вот и чувствую малейшие реакции.

— Прости, я перепутал, думал, ты ждешь, как всегда, у фонтана.

Это другая сторона парка, идти минут пять. Демьян любит фонтаны, но сегодня я хотела его уложить, а не будоражить.

— Все в порядке.

Алекс подходит ближе.

— Знакомьтесь. Руслан Евгеньевич, мой друг. Александр, мой бывший муж.

Мужчины пожимают руки. Алекс не поправляет, хотя обычно не выносит свое полное имя.

— Бывший муж... — начинает Руслан.

Равский отвечает:

— Да, отец Демьяна.

Я впервые слышу, как Алекс произносит имя моего сына, и дрожу от негодования. Он продолжает:

— Мне уже пора, рад знакомству. Ива, насчет времени тебе сообщат позже.

— Этого не будет, Алекс, — говорю ровно, но четко.

— Тогда будем разбираться через суд. Я готов.

Равский прощается с Русланом и уходит.

Глава 5

Алекс в России. Более того, снял жилье в моем районе! На расстоянии нескольких километров, в пешей доступности. Для тех, кто жил на разных континентах, — это нестерпимо близко. Кажется, я слышу его шаги и дыхание.

Нигде в сети не было сообщений о его предстоящем визите. Прилетел тайно? Частным самолетом? Когда мы начинали встречаться, он мечтал путешествовать именно таким способом.

Мечты сбываются! Ух!

Вернувшись домой, я первым делом звоню Алле Теодоровне и рассказываю о том, что случилось. Хорошо бы сначала маме, наверное, но она будет истерить, чем еще больше накрутит. Мне же, напротив, нужно успокоиться и очистить голову от лишних мыслей. Обиды, боль, сломанные мечты — это лишь мое богатство. Следует поступить так, как будет лучше для Дёмы.

Андреева ушам своим не верит и трижды переспрашивает, видела ли я Алекса или его помощника.

— Алекса! Собственной персоной! Притащил цветы, которые я терпеть не могу. Специально. — Я поставила их в вазу, стоят в кухне, благоухают. Продолжаю говорить: — Да нет, не выбросила. Это все мне раньше было важно. Сейчас плевать, пусть хоть весь дом ими завалит. Надо понять, как себя вести, чтобы не навредить Демьяну. Я ждала Алекса в первые месяцы после того, как тест ДНК подтвердил отцовство, готовилась. Но потом смирилась, что ему нет дела.

— Вот сученыш, — тянет Алла Теодоровна. — Не позвонил, не предупредил заранее. Так разве можно делать?

— Он приехал, чтобы командовать. Угрожает судом.

— Ни один суд не заставит тебя оставить сына с чужим человеком и выйти за дверь. Это полный бред. Пусть подает.

Поначалу Алла Теодоровна очень симпатизировала Алексу. Мужчины, которые всего добиваются сами, ее восхищают. Она гордилась нашей парой. У Андреевой была непростая жизнь, ее отец — детдомовский — вкалывал, чтобы с нуля построить дом и обеспечить детей. Ее мужу тоже с неба ничего не упало. Но требование сделать аборт перечеркнуло все хорошее отношение к моему уже бывшему мужу.

— Вы думаете? Он сказал, что готов.

— Мы тоже будем готовы. У тебя остались скрины той переписки? Покажешь прессе. Поглядим, как отреагируют его партнеры. Может, поддержат. Нравы там, на западе, те еще. Но шумиху создадим.

Я округляю глаза.

— Наверное, это не лучшая идея.

— Я поищу хорошего адвоката. Демьян еще маленький, он ничего не поймет.

Затем он вырастет и будет жить с тем, что его родители на публике вылили друг на друга по ушату грязи.

Сворачиваю разговор и прошу дать мне время подумать и решить вопрос самой. Демьян прыгает на батуте в детской, а я сижу рядом среди кубиков, в которые мы играли еще минуту назад, и все никак не приду в себя.

Вот же недавно жаловалась Лене, как бы мне хотелось, чтобы у Демьяна тоже был отец. Чтобы он приходил, пусть в гости, и Дем его узнавал. Вскакивал на ноги и бежал встречать!

Это происходит, а я в настоящей панике.

Судиться с Алексом... Господи, да он если азарт поймает — или, как называет это состояние, гиперфокус, может неделю не спать, работать на износ, пока не победит.

Не дай боже разжечь в нем азарт.

Нет, открытая конфронтация — это плохой ход. Не умный. Нужно быть хитрее. По крайней мере, попытаться.

Напрыгавшись, Демьян выбирается из батута, и мы продолжаем строить замок. Вернее, строю я, он с радостью рушит.

Монотонные действия помогают сосредоточиться, и, когда сотовый вибрирует, я почти в норме.

— Здравствуйте. Меня зовут Микаэла. Я отправила вам на почту адрес, Алекс будет ждать Демьяна завтра к десяти утра. Вы можете собрать сумку необходимого или написать в ответном письме, что нужно приобрести для комфортного времяпровождения ребенка. Мы все купим сами.

Вдох-выдох.

— Хорошо, спасибо.

Ощущение, что Алекс таким образом отбирает Демьяна, рождает новый виток паники. Я вообще не понимаю, что мне делать, если он в эти два часа просто увезет ребенка в аэропорт, запишет в частный самолет и улетит в Сидней, куда мне путь заказан! Возможность вновь подать на визу появится только через два года.

Вскакиваю на ноги и мечусь по комнате. Потом опять присаживаюсь на пол.

Многие скажут, что сама виновата, знала, за кого выходила, но мне и в голову не могло прийти! Мы дико любили. Были готовы сорваться в любой момент и пролететь десять, пятнадцать часов — неважно! Только чтобы попасть друг другу в объятия.

И наконец можно было обнять, коснуться тела. Зажмуриться крепко-крепко, дабы почувствовать момент полностью. Умереть и возродиться. Просто от понимания, что Алекс тоже летел, спешил, рвался. Что скучал еще сильнее меня, поэтому прижимает к груди. Дрожит. Кожу кусает во время поцелуев, шепчет, как нужна. Как сильно нужна, как он тосковал, как мчался, как подгонял самолет.

Сейчас — нет уверенности ни в чем. Я открываю соцсети, гуглю Быкова и, конечно, сразу нахожу последнюю информацию.

«Алекс Равский прилетел в Россию и первым делом навестил могилу матери, где находится прямо сейчас».

Ну, допустим, не первым. Но ладно, пусть так.

Ниже любительские фотографии, на которых Алекс стоит на кладбище, смотрит на памятник. Я быстро пролистываю несколько и останавливаюсь на одной. Застыв, смотрю. Смотрю, смотрю, смотрю на него.

Демьян забирается на колени и ерзает. Я обнимаю сына крепче, целую в макушку.

— Твой папа когда-то давно был очень хорошим человеком. Он все сделал, чтобы вылечить твою бабу Надю. Лучшие врачи, лучшее лечение. Он бился до последнего, искал варианты, а когда случилось...

Вспоминаю Алекса на похоронах, его потерянное выражение лица. Именно такое было на первых детских фотографиях, когда Равские только забрали его из детского дома, привели домой. Потерянное и напряженное. Тетя Надя рассказывала, что он вообще не разговаривал, молчал и со всем соглашался.

— Алекс был в Штатах, когда это произошло. Мы висели на телефоне и трах... в смысле болтали о пустяках. Ему позвонил деда Дима. Твой папа был моим самым любимым человеком, я так сильно за него переживала... Он прилетел, как только смог, мы вместе это пережили. Наедине со мной он плакал. Сердце на куски рвалось, так хотелось утешить! А он хотел быть только со мной.

Мы любили друг друга по-настоящему. И в горести, и в радости. И в момент успеха, и в дни бед. В то время мне казалось, что понимали и чувствовали на расстоянии. Когда я повредила большую ногу на тренировке, Алекс позвонил мне через час и сказал, что проснулся и тревожится. Я была в травмпункте и, клянусь, даже... не удивилась.

Неужели мы не сможем пойти на компромисс ради сына?

Я знаю, где Алекс живет. У меня есть адрес. Открываю почту, пробегаю глазами официальное письмо. Микаэла какая-то. Олесю я аккуратно за пару месяцев выжила. Убедила Алекса, что ей пора семью создавать, что с Вовой у нее совсем плохо из-за долгих командировок. Алекс отправил ее в Россию, дал работу здесь. Но легче не стало, его помощницы менялись часто и вызывали много вопросов.

Я беру трубку и звоню маме:

— Привет! Ты свободна вечером? Сможешь на пару часов присмотреть за Демьяном?

Мне нужно отскочить по делам.

— Что-то случилось, Ив? У тебя голос не такой.

— Не знаю пока. Алекс приехал.

Глава 6

Черчу стрелки, наношу немного туши на ресницы. Румяна — на скулы, дабы скрыть неестественную бледность. Макияж не для бывшего мужа, а для уверенности в себе.

Нам нужно поговорить, причем на равных. Мы оба — родители. Упрекнуть его не могу: мы с сыном не голодали. Демьяна Алекс не хотел категорически, но помогать по итогу не отказался. После подтверждения отцовства тестом ДНК ассистентка Равского связалась со мной, сообщила о весьма приличной сумме, которую определил Алекс на содержание Дема. Упомянула, что если будет не хватать денег, то я могу на адрес электронной почты прислать чеки — будет оплачено дополнительно.

Ни разу так не делала, всего хватало с излишком.

Но и Алексу меня ругать не за что! Что во время беременности, что после — указания врачей соблюдались досконально. Я делала и продолжаю делать все возможное, чтобы Демьян рос счастливым ребенком. Он прекрасно развивается, даже опережает графики! Я заслуживаю адекватного отношения. Диалога. Как бы там ни было.

Оставив маму в растрепанных чувствах, я выхожу на улицу. Погода радует, наш район освещен отлично, да и вообще безопасен, но я все равно беру машину. Паркуюсь, правда, не без труда. Отстегиваю ремень и пожираю глазами подъезд.

Что мне теперь прикажете делать? Звонить Микаэле и спрашивать, не в настроении ли Алекс со мной встретиться?

Прищуриваюсь от раздражения. Сжимаю руль.

— Привет. Нам нужно поговорить... Привет! Алекс, давай поговорим о Демьяне... Алекс, привет! Перед завтрашней встречей нам нужно обсудить режим и предпочтения Дема... Алекс, нам правда нужно поговорить о нашем сыне... А-а-а! — играю тоном и интонациями.

Закрываю лицо руками. Как унижительно. Я словно напуганная кошка, что поджимает хвост и ищет подход к хозяину.

Выйдя из машины, звоню в домофон. Один раз, второй, третий... Не отвечают. Возвращаюсь к машине, по пути набирая номер чертовой Микаэлы, в этот момент к подъезду подъезжает белый, идеально чистый внедорожник. Сердце екает, и не зря! Задняя дверь открывается, из салона выходит мужчина.

Алекс. Мгновенно узнаю и застываю. Он в мою сторону даже не смотрит, хотя вот она я, в нескольких метрах. Помогает выбраться девушке. Красивой. Видимо, той самой Джемме, которую привез из Сиднея.

Сердце просто в кашу. Они, должно быть, где-то ужинали, пока я тут по кустам караулю. Неважно. Это все мелочи.

Я пришла по делу. Жаль, без счастливых шпилек.

— Алекс, привет! — слышу собственный голос.

Они вдвоем оборачиваются. Пульс ускоряется, адреналин кипит кровью. Девушка и правда очень красивая и хрупкая на фоне Равского. Он же одет безукоризненно — брюки, белая рубашка. Это со мной таскался в спортивных костюмах.

— Можно тебя на пару минут? Нам нужно поговорить. О Демьяне.

Пару минут? Треш. Где вся моя уверенность?

Поднимаю голову, смотрю на Равского, на его спутницу.

— Добрый вечер, — говорю ей.

Она отвечает на английском.

Никогда я не видела его с другой собственными глазами. Только на фотографиях или в записи папарацци.

Алекс чуть приобнимает девицу, говорит что-то вполголоса. Та кивает и идет к подъезду. В нескольких метрах навязчиво стоит мужчина, судя по всему, охранник.

Едва мы остаемся вроде как наедине, Алекс произносит:

— С кем мальчик?

Вспыхиваю! Вот это удар — и сразу нокаут. Один дома, разумеется! Играет с ножами и ножницами. Усилием воли гашу вспышку бешеной ярости и выравниваю тон:

— С моей мамой. Давай сядем в машину или пройдемся до кафе. Нам есть что обсудить.

Он смотрит на меня, не отрываясь. Все так же холодно.

— Мы оба родители, и, раз ты намерен участвовать в воспитании, нам придется общаться. Обсуждать важные вещи. Ты совсем не знаешь Демьяна, я могла бы...

— Я же сказал, что не хочу тебя видеть.

Резко захлопываю рот. От шока и унижения каменею, рассыпаюсь, умираю.

— Алекс, мы можем не обсуждать нас, но у нас есть ребенок. Больше не получится держать связь только через секретарей, это попросту глупо! Я против судов, я против всего, что может отразиться на ребенке. Я готова под тебя подстроиться, но и ты сделай шаг навстречу...

— Больше никогда не приезжай ко мне без надлежащей просьбы.

— Я в панике сейчас. Пожалуйста, перестань так со мной поступать...

— Демьяна жду завтра в десять. Спокойной ночи, Ива. — Он разворачивается и идет в сторону подъезда.

А у меня чеку срывает. Я теряю берега, ориентиры. Лечу за ним и выпаливаю:

— Ты можешь злиться на меня, но Демьян тут ни при чем! Ты мне мстишь таким способом?! Через ребенка?!

Охранник перегораживает путь.

— У тебя получается! — кричу я. — Ты нашел самое слабое место! Ты меня уничтожаешь! Доволен?! Я весь день в ужасе! Ты за этим приехал?!

На крыльце Равский останавливается, будто собираясь обернуться и что-то сказать. После чего открывает электронный замок и заходит в подъезд.

Глава 7

Демьян не лежит ни одной лишней секунды. Отрывает глаза, тут же начинает крутиться. Я беру телефон — до будильника две минуты. Откидываюсь на подушку.

Сынок начинает возиться, оттягивает одеяло, задирает мой топ. И нет, он не за молоком. Недавно случилось важное открытие: мы жили — не тужили столько времени, а потом вдруг обнаружили, что у людей есть пупки! Да-да, эти самые, будоражащие внимание годовалых детей штуки на животе. Туда-то мне и тычет сыночек маленькими острыми пальчиками.

Улыбаюсь.

— Пуп у мамы! А где пуп у Демьяна? У Демьяна есть пуп?

Сын заговорщически прищуривается, копируя мою мимику, застывает. Поднимает ладошки и тянет:

— О-о-о.

Дескать, ищет.

— У Демьяна нет пупка? — ахаю я.

Он не может так долго держать интригу. Задирает пижаму и показывает.

— Да вот же он! — Кидаюсь на сына и начинаю этот сладкий пуп зацеловывать.

Дем хохочет, визжит! Я вместе с ним.

Потом мы выключаем будильник и еще некоторое время закрепляем знания, запоминая, как называются части тела. Смеемся, раздвигаем шторы, встречая солнышко. Я стараюсь при сыне болтать без остановки, все объясняя и рассказывая, потому что Алекс поздно начал говорить. Не знаю, поможет ли, но вдруг?

У меня за этот год было много тревог, но большинство мы победили: почти наладили сон, почти справились с истериками. Почти начали есть нормальную еду.

Первый день рождения Демьяна стал переломной датой. Я очень много занималась с сыном с самого его появления на свет: игры, книжки, прогулки... Иногда мне казалось, что результата нет. Все бессмысленно. Он не запоминает, не испытывает интерес, забывает мгновенно. Не ходит и не пытается. На площадке других мам послушаешь — их дети чуть ли не предложения складывают... И вот после года вдруг случилось чудо! Старания были вознаграждены: буквально каждый день Демьян, будто из автомата, выдает знания и умения, да такие, что я поражаюсь!

Сейчас ему интересно все. Он хватается за кучу дел, пробует, тестирует. Если не выходит — не отчаивается. Только успеваю страховать и подсказывать.

Утро тем временем в самом разгаре, мы идем умываться, не чистим четыре зуба, а надо бы. Затем завтракаем.

Сварив кофе, я беру телефон и в сотый раз открываю сообщение от Аллы Теодоровны:

«Ива, Равский подписал крупный контракт с Мельниковым, скоро об этом объявят официально. Вадик советует наладить мир любым способом».

Любым. Способом.

Небо за окном будто становится темнее.

Каждый раз, когда думаю об этом, дурно становится.

Мельников — это наш космос. Там настолько крупные деньги, что даже муж Андреевой не советует воевать, хотя еще вчера Алла Теодоровна была готова найти адвоката.

Мельников... Это связи, о которых даже мечтать нельзя.

Кружу вокруг мобильного, перечитываю. Алекс загоняет в угол, его возможности только растут. Сукин сын просто... в ударе! В этом есть и моя вина. Два года я его поддерживала, хвалила, мотивировала. Восхищалась и гордилась. Теперь ракету не остановить, как и его батареи, готовые наконец устремиться в космическое пространство.

Но, наверное, есть и хорошие новости: если Алекс собирается строить бизнес в России, значит, не увезет сына. Это было бы с его стороны глупо.

Боже, сутки не прошли с его приезда, а у меня руки дрожат от нервного напряжения, мозг лопается от вариантов развития событий!

Пока пишу инструкцию чужой тетке Микаэле о режиме, интересах и умелках Демьяна, чувствую смятение. Пытаюсь убедить себя, что она, вероятно, хороший человек. Алекс должен был ее проверить, прежде чем вести разговоры о сыне, но внутри такой сильный протест, что несколько раз прерываюсь.

Иначе я все это себе представляла, когда фантазировала о встрече.

Смотрю на сына, который скидывает игрушки с дивана и каждый раз приговаривает:

— Бах.

Спокойно, четко, со знанием дела. Возможно, он готов к нашему расставанию больше, чем я. Надеюсь. Потому что у меня начинается истерика.

Микаэла звонит в половину десятого и напоминает о встрече. Забудешь тут. Я собираю сумку, беру за руку Дема, и мы выходим на улицу.

— Мы поедem поиграть в одно новое место. — Болтаю что-то, рассказываю, пока веду машину. — Там будет здорово! Вот увидишь! Познакомимся с новыми людьми. Они желают нам добра.

Вряд ли Демьян понимает, что я несу, но интонации улавливает и находится в неплохом расположении духа. Ночью просыпался всего дважды, у него действительно все хорошо. В отличие от меня.

Договор с Мельниковым. Очередной шок. А следом — гремучая смесь обреченности и надежды. Алекс прилетел в Россию по делу. Не ради нас с сыном. Возможно, он наиграется за пару свиданий и укатит строить очередной завод!

Он прилетел не ради нас. Разумеется, нет.

Алекс снимает квартиру в элитном доме. Прошлым вечером мне повезло, шлагбаум был поднят, в этот раз тоже нет проблем: охранник дает знак проезжать. Видимо, мои номера внесены в список.

Пульс ускоряется, когда паркую машину. Вчера на этом месте разыгралась настоящая драма, и я понятия не имею, чем закончится сегодняшний день.

Время без минуты десять. Я прижимаю Демьяна к груди, борясь с потребностью сесть за руль и умчаться куда подальше.

Не могу я его отдать! Просто не могу, и все! Даже если мой ребенок сам пойдет на руки к чужим людям, в чем я не уверена. Но если так случится — не справлюсь. Я просто... не представляю эту ситуацию.

Нет, я не идеальная, тоже причиняла Алексу боль. Но то, что он делает со мной сейчас, — несопоставимо. Он не любит сына, он не был отцом по-настоящему, поэтому не может почувствовать. С меня словно кожу сдирают заживо.

Я стою с ребенком на улице, настраиваюсь налаживать мир любым способом.

А потом Демьян видит ступеньки крыльца. Мраморные. С узорами.

И планы меняются. Потому что ступеньки — это наша новая фишка, которую Демьян пока не закрепил. Он держится за руку и поднимается по ним сам.

Время поджимает. На каждой ступеньке новый рисунок. А там еще пандус, по которому можно сбежать! И вновь подняться.

Сотовый вибрирует. Я хочу взять Демьяна на руки, но он выкручивается и сразу начинает психовать. Потому что, блин, ступеней с разноцветными узорами в нашем доме нет! А они ему очень, видимо, нравятся.

А его недолюбленному с детства папаше нужно доказать мне, что он вдруг ни с того ни с сего ворвался в пунктуальность! Сотовый вибрирует, там надпись: «Микаэла».

Я честно пытаюсь поторопить Демьяна, но он с визгом сбегает с пандуса, подходит к ступенькам и тянет руку, дескать, еще раз.

Сотовый надрыдается. От Микаэлы сыпятся сообщения. Десять ноль четыре. Да вашу мать!

Записываю голосовое, что мы задерживаемся, играем у дома.

Она снова перезванивает:

— Иванна, вы можете толком объяснить...

У меня сдают нервы:

— Да пошел ты в задницу! Сам везде опаздываешь всю свою жизнь, а сын должен по расписанию бегать?! Так ему и передайте!

Выключаю мобильный. И выдыхаю, успокоившись. Беру сына за руку, и мы в десятый раз поднимаемся по лестнице.

— Желтый, красный, зеленый, — говорю я весело, называя цвета мелких узоров, на которые наступаем. Демьян старательно задирает ноги, кряхтит. — О да, для вашего роста, молодой человек, такие упражнения достаточно сложные. Но не зря ты сын чемпионки, да?

— Да! — выпаливает Дем, задирая ногу так, что чуть не валится.

Достигнув цели, он в очередной раз сбегает с пандуса и несется ко мне. Подхватываю, кручу, Демьян смеется.

— Воды попьешь, спортсмен?

Машинально поднимаю глаза и вижу на балконе Алекса. Солнце слепит даже через темные очки. Наверное, у меня галлюцинации. Но первое впечатление, что...

Он смотрит на нас и... улыбается.

Глава 8

На целую секунду мне кажется, что я попала в прошлое. Ухнула с башни одиночества в теплый южный океан, согретая солнцем, любовью и точным знанием, что все будет хорошо.

Задерживаю дыхание, чтобы продлить. Прочувствовать, как могли бы быть... в другой жизни другие люди. Счастливые семьи.

Не мы.

Алекс уходит с балкона, а я наконец делаю вдох. Ставлю Демьяна на землю, приседаю. Достая из сумки бутылку с водой, помогаю напиться. Пальцы плохо слушаются, я никак не привыкну к своей новой реальности. К материнству привыкла, приняла, что Равскому было плевать на нас. А вот к происходящему — не получается. Оно мучает неизвестностью, оставляя новые раны поверх затянувшихся.

Дверь подъезда открывается, я краем глаза замечаю, кто вышел. Готовлюсь к ответочке за резкое сообщение Микаэла. Ко всему готовлюсь.

Алекс одет просто и одновременно безупречно — светлые брюки, черная майка. Подходит к нам. Дыхание частит.

Демьян напивается. Я вытираю ему рот салфеткой, подхватываю на руки и поднимаюсь. Только после этого отвечаю на прямой взгляд.

— Привет, — произносит Алекс.

Вцепляюсь в сына крепче.

— Привет. — Ловлю себя на том, что голос неестественный. Он почти дрожит.

Такого со мной тысячу лет не было, я выступала на десятках международных соревнований, представляя страну, и справлялась с нагрузкой на нервную систему.

Равскому удалось размазать чемпионку за два дня, ничего не делая.

— Я приехала вовремя, не хочу конфликтовать, — говорю быстро. — Все еще надеюсь на твое благоразумие.

Дем держит бутылку, крутится, активно интересуясь окружающим. То одной рукой его держу, то второй. Он непоседливый жук, конечно, но не могу я его отпустить, здесь не площадка.

— В это время у нас начинается прогулка, мы летом выходим пораньше, чтобы до жары успеть набегаться. Если Демьян впечатлений не хапнет, то потом не уснет.

Равский смотрит на сына неотрывно, словно впитывает образ. Во рту пересыхает, я не брала воду для себя и готова уже попросить у ребенка.

— Алекс, он еще грудной, ты сам видел в парке. Если хочешь пару дней поиграть с новой девушкой в родителей, то это будет жестоко. По отношению к Дёме. Ты ведь знаешь, как важны для ребенка отец и мать...

— Знаю, Ива, — перебивает он. И говорит быстро: — Привет, пацан! — Ловит взгляд сына и расплывается в улыбке: — Это что у тебя здесь, а? Цыплята? — Звонко ударяет ногой по бутылке.

Демьян хмурится, анализируя, откуда новый звук и есть ли опасность потерять бутылочку. Я чмокаю сына в щеку, поглаживаю.

Но Алекс ничего не отбирает. Вместо этого приподнимает брови, улыбается шире и, включив природное обаяние, вновь несколько раз ударяет по бутылочке. Демьян, максимально заинтересованный, впивается глазами в отца.

— Лисята, — поправляю я.

— Совсем не похожи! — громко отшучивается Алекс.

Со скоростью света касается ручки Дема, пухлой щеки, вздергивает ему нос. И продолжает болтать, приветливо улыбаясь:

— Наконец-то я тебя поймал неспящим. Давай-ка знакомиться! Будем? Крутой у тебя костюм. И сандали.

Демьян следит за отцом как замороженный. У того двести действий в секунду — и ножки коснется, и ладонку пожмет. Сын принимает вызов и улыбается.

Мы оба следим за Алексом.

Бутылка падает из ручек, он быстро наклоняется, поднимает и отдает мне.

— Спасибо.

Алекс играет бровями, делает движение пальцами, приглашая Демьяна к себе. Обескураживая энтузиазмом.

— У меня для тебя кое-что есть. Что-то прикольное. Ты любишь прикольные штуки? Я обожаю. Жить без них не могу.

Этому обаянию невозможно сопротивляться. Когда Алекс отпускает его на свободу, когда хочет нравиться, он превращается в водопад, который сносит преграды. С его презентаций не уходят, его хочется слушать часами. Демьян неуверенно тянется, и Алекс забирает его на руки.

Отец с сыном смотрят друг на друга. Глаза Алекса бегают, он жадно разглядывает собственного ребенка, словно врач на медосмотре. У меня пульс на максимум. Алекс при этом корчит смешные рожицы и издает ртом звуки, Демьян улыбается и старается повторить, беспомощно шлепая губами, аж слюна по подбородку течет.

Равский смеется. Притягивает сына ближе, наклоняется и будто вдыхает запах макушки. На секунду закрывает глаза. У меня сердце сжимается. Алекс продолжает трогать складочки, щечки, пальчики.

Время ускоряется. Я осознаю, что сама поддалась моменту и отдала ребенка. Что он уже на руках у Алекса, а мы никакая не семья. Паника вцепляется в горло, и произнести выходит сипло:

— Алекс, ты должен мне разговор.

— Условия ты мне ставить не будешь. Как и навешивать долги, — тем же веселым тоном отвечает он.

Корчит вновь рожицу, и Демьян смеется. Увидев, что получается, Алекс входит в кураж.

— Он если поймет, что меня нет рядом...

— Ты будешь просить. Смиренно.

Сглатываю. Откручиваю крышечку и делаю несколько глотков. Алекс щипает Дема за подбородок, живот.

Демьян хохочет и воспринимает это как намек. Задирает футболку и доверчиво показывает самое важное, что недавно обнаружил. Произносит невнятно:

— Пуп.

— Что? — переспрашивает Алекс.

Дем крутится, тычет пальчиком в меня, в отца, на свой живот. Картинка перед глазами расплывается.

— У Демьяна есть пупок, — подсказываю я. Поднимаю майку. — И у мамы есть. Вот тут.

Мы с Демом смотрим на Алекса вопросительно, тот пялится на мой живот, пока не прячу его под одеждой. Все еще не понимает, между бровями образуется складка, а потом до него доходит! Алекс низко смеется, запросто задирает майку, демонстрируя плоский живот, собственноручно пуп, широкую дорожку волос и татуировку, уходящую под пояс. Черную. Он перебил розу?

— Да-да, папа тоже живорожденный человек с пупом, кто бы что ни писал в прессе.

Демьян хмурится, заинтересовываясь черным пятном: татуировки он еще не видел.

Алекс перехватывает его поудобнее, приподнимает. Сын замирает, не зная, как реагировать. Я так высоко его никогда не поднимала. Алекс опускает, вновь поднимает. Держит крепко, уверенно.

У меня душа в пятках!

— Пожалуйста-пожалуйста! — пишу. — Осторожнее!

На третьем подъеме Демьян взрывается хохотом, и я невольно улыбаюсь. Он все еще в смятении, потому что никогда раньше так много не общался с мужчинами.

— Тяжеленький, — хвалит Алекс.

Решив, что он ко мне обращается, я тут же отвечаю:

— По верхней границе нормы идет. И в росте тоже. Я одежду на размер больше беру. Он и родился не маленьким.

— Я знаю.

Алекс крутит-вертит сына. Демьян врывается в воздушные аттракционы, просит еще. У меня сжимается сердце — так страшно, что не удержит! Стою рядом, страхую на всякий случай.

Алекс тоже смеется. Демьян настолько расслабляется, что начинает тыкать пальцем отцу в глаза.

— Глазки. У папы глазки, — объясняю, что происходит. — А где глазки у Демьяна? Дем закрывает их ладошками.

— Нету? Нету глаз у малыша? Как же так! — ахаю я.

— Где твои глазки, Демьян? — включаете Алекс.

Демьян убирает ладони и смотрит с хитрющим восторгом.

— Да вот они! — говорим мы хором.

Сердце разбивается снова и снова. Низкий смех Алекса служит катализатором мучительной сладкой боли. Демьян закрывает глаза, желая повторить удавшийся номер.

— А где ручки? Ножки? — спрашивает Алекс.

— Пока у нас в приоритете глаза и пуп.

— А. Согласен. Не представляю, что еще может понадобиться в год.

Сцепляю пальцы. Подъездная дверь открывается, и на крыльцо выходит вчерашняя девушка. Смотрит на нас, улыбается. Я киваю, она делает ответный жест. Алекс тоже ее замечает и говорит на английском:

— Джемма, готовь пуп.

— Что? — переспрашивает она.

— Пуп готовь, — смеется он.

Джемма оглядывает свое длинное платье.

— Тогда мне нужно переодеться! Я мигом.

И она возвращается обратно, вновь оставляя нас втроем.

Качаю головой: заставить супермодель показывать сыну пуп. Это полностью в духе Равского.

— Ну что, пацан. Поглядим, что там есть? — Алекс кивает на подъезд и весело болтает: — У меня была пара идей, что бы могло тебя увлечь. Может, они с треском провалятся, но я уже привык, что процентов семьдесят моих идей людям не заходят. Так что...

Вновь каменею, понимая, что меня по-прежнему не пригласили. Алекс делает пару шагов в сторону двери.

Мир любой ценой.

Вздергиваю подбородок и, усмирив все, что осталось от гордости, произношу:

— Можно я буду рядом, но в квартире? Молча посижу в углу. Пожалуйста. Я тебя прошу. Раф...

Алекс оборачивается. Я продолжаю:

— Нам необязательно воевать.

Он пораженно закатывает глаза, после чего ошпаривает раздражением:

— Вот как? Потому что я вооружен?

— Что?

Равский переводит глаза на Демьяна. Улыбается. Надувает щеки, округляет глаза, Дем снова хохочет. Алекс громко выдыхает и произносит:

— Он на фотографиях другой. Ни фото, ни видео не передают, какой он. — Слова звучат упреком.

— Он классный, — говорю я. — Обалденный пацан.

Джемма опять появляется на крыльце. На ней короткие шорты и открытый топ: просьбу показать пупок она, кажется, восприняла буквально. Алекс слегка прищуривается. Кажется, у всех нас резко наступил передоз пупков.

— Классный, — повторяет Алекс. Ловит мой взгляд и произносит спокойно, будто припуская маску и показывая, в каком на самом деле бешенстве находится: — Я прилетел именно воевать. Если понадобится — насмерть. Крепко держись за белый флаг. — Он смотрит на сына и меняет тон: — Тебе, конечно, меня не показывали даже на фотографиях. А мне твои показывали, но я все равно в шоке.

Они втроем заходят в подъезд и закрывают за собой дверь.

Глава 9

Я прижимаю руки к груди.

В ушах шумит, ненависть вспыхивает от искры, в момент превращаясь в пожарище. Она жжет-жжет-жжет там, где было сердце. Сейчас оно не бьется. Будто нет его, господи!

Мое сердце унес Алекс вместе с Демьяном.

Я смотрю на черную железную дверь и стискиваю зубы.

Внутри творится безумное. Вся бывшая сила, стойкость и воля к сопротивлению вдруг просыпаются и врубаются на максимум. Я помню, каково это — делать на тренировках невыносимое, а потом повторять на соревнованиях. В незнакомых залах, где зрители болеют не за тебя. Где желают тебе провала. На чужой территории. Выходить и ни жестом, ни мимикой — вопреки болезни, страхам, боли — не показывать волнения. Стабильность, уверенность, мастерство. В последние годы я, кажется, совсем расслабилась.

Смотрю на дверь, за которой мой сын, и дрожу от негодования. Ненависти слишком много. Я ненавижу Алекса так сильно, что захлебываюсь этим.

Ожидание длится вечность, по ощущениям матери, у которой забрали ребенка, и ровно две минуты в действительности. Включила телефон, поглядываю на время, чтобы не потеряться в панике.

Так и стою, не двигаясь, все эти сто двадцать секунд, пока дверь вновь не распахивается. Алекс выносит Демьяна, ставит на крыльцо, рядом с ним — большую машинку. Сын хватается за ручки и толкает перед собой.

— Лови его! — кричу я, кидаясь вперед.

Алекс делает так же.

Страхует Дема, тормозит на пандусе, благодаря чему мой ребенок не летит с этой машинкой кубарем, а спокойно и деловито спускается. Сосредоточен, как настоящий водитель.

— Осторожнее на виражах, пацан! Это гоночный болид! — усмехается Алекс.

Я же хочу его смерти прямо сейчас.

Встречаю сына внизу. Обнимаю крепко, целую макушку, щеку, шейку. Проверяю, как настроение, все ли в норме. Слышу собственное дыхание. И стук сердца. Оно снова бьется, снова в груди. Господи, я по году жизни потеряла за каждую из минут.

У Демьяна вроде бы все в порядке, он увлечен толокарром. Красной крутой новой тачкой.

— Ему еще рано такие машины, — быстро сообщаю я. — Он скорость не контролирует и валится.

Демьян тычет пальцами на кнопки — машинка сигналист, светится.

— Мне кажется, ему нравится.

— Ему много чего нравится.

Словно в подтверждение моих слов, сынок хватается за ручки, толкает игрушку перед собой, та устремляется вперед, а он не успевает! Мы с Алексом одновременно делаем рывок, ловим, но Демьян все же впечатывается лбом в пластик. Несильно, но он тут же начинает рыдать. Отталкивает отца, жметесь ко мне.

Я его закрываю руками, как крыльями. Прячу, целую.

— Так больно, малыш? Сейчас пройдет, сейчас полегче станет, — причитаю, покачивая. Зацеловываю лобик, дую.

Ошпариваю Алекса таким взглядом, словно он специально ударил сына.

Поднимаюсь на ноги, Демьян тянется к подарку и рыдает еще отчаяннее.

— Помоги дойти до машины, пожалуйста, — прошу я Алекса. — Если. Тебе. Несложно.

Он подхватывает подарок, поднимает повыше, чтобы Демьян мог тоже держаться за ручку, будто несет сам. А то мало ли заберут.

— Он сильно ударился? — спрашивает Равский. — Дай посмотрю.

Я сейчас в таком состоянии, что его голос — как наждачка по чувствительной коже. Раздражает до кровотокащих царапин.

Это мой ребенок. Мой!

— Не сильно.

В такой нелепой сцепке мы втроем доходим до машины, Алекс открывает багажник, помогает уложить уменьшенную копию болида. Демьян уже успокоился. Весь в слезах пристально следит за тем, чтобы никто не выкрал толокар, пока дверь багажника медленно опускается.

На лбу сына небольшое розовое пятнышко. И я беру себя в руки. Алекс вернул ребенка по первому его требованию, мне тоже стоит придержать коней.

— Все в порядке. Но теперь видишь, за Демьяном глаз да глаз нужен. У него, знаешь, будто какой-то рассинхрон мозга и тела. То есть умом он хочет творить реально сложные трюки, вообще ничего не боится. Качели, горки, лесенки — все его! Очень быстро соображает. Ноги при этом пока не суперловкие. Такие ссадины не редкость. Не расстраивайся.

Алекс смотрит на сына, который лежит на моем плече. Положил ладошку на грудь, сам прижался, котенок, отдыхает после впечатлений.

Достаю салфетку и аккуратно вытираю ему лицо.

— Раньше Дем всегда просил грудь, чтобы успокоиться. Теперь просто обнимаемся. Он если ранится, то всегда ищет меня.

То ли молчание Алекса, то ли его неловкость из-за ситуации или неподдельное внимание к Демьяну... а может, все вкупе — немного меня смягчают. Я спокойно объясняю, без истерик и скандала. Какая-то часть внутри вопит и требует размазать Алекса. Показать, как тупо он поступает, игнорируя мое мнение! И что нельзя купить любовь ни женщины, ни сына! По крайней мере, настоящую.

— Ты справляешься без няни? — спрашивает он.

Обдаёт жаром от понимания, что у нас получается диалог. Пусть корявый, странный, но все же диалог! И я спешу рассказать все, что хотела эти два года, когда представляла нашу встречу и адекватное общение.

— У меня, конечно, есть помощница по дому, но Демьян только со мной. Все в порядке. Не жалуясь. Я долго жила в общежитии, моталась на соревнования. Потом... за тобой по свету. Сейчас мне хочется просто сидеть дома. Весь этот год я отдыхаю, не ставя ни рекордов, ни целей. Это полностью мой выбор, мое решение.

Открываю машину, собираясь усадить сына в кресло.

— Можно? — спрашивает Алекс.

Я поворачиваю Демьяна к нему лицом. Алекс зовет сына на руки, тот никак не реагирует. Лежит на мне, смотрит безразлично, слегка настороженно.

— Пойдешь попрощаться? Нет? — улыбается Алекс.

Демьян не откликается. Демонстративный игнор — его находка. Дем уверен на двести процентов, что мать — суперженщина, которая его не отдаст. Которая сможет защитить и сохранить комфорт. Вот только Демка меня переоценивает, я умудрилась допустить войну с Равским.

— У него испортилось настроение, — быстро поясняю я. — И встали мы сегодня рано.

— Что ж, для первого раза вполне достаточно. Я был рад познакомиться, Демьян, — произносит Алекс, поглаживает ручку сына.

Тот ее отдергивает и отворачивается, Алекс не успевает среагировать, и получается так, что он ведет пальцами по моей груди. Тут же убирает ладонь.

Я чувствую неловкость.

— Ты не против, если мы поедem домой? Или у тебя есть другой план? — спрашиваю спокойно. Опускаю глаза, будто готова подчиниться.

Если я хоть немного успела узнать Алекса за два года брака, он не будет нападать на поверженного.

— На сегодня все. Завтра в то же время. Примерно.

— Спасибо. Мы постараемся не опаздывать.

Я усаживаю сына, пристегиваю. Он привычный, поэтому не сопротивляется.

— Спасибо за подарок, правда крутой, Демьян в восторге. Он когда у детей на площадке что-нибудь видит, всегда тоже хочет. Хотя он вообще все хочет... в общем, спасибо.

— До завтра, Ива.

Алекс отходит на несколько шагов, я так и не смотрю в его сторону, силы закончились. Хватит жечь нервы, его бешеные глаза стали бы отличной добивочкой.

Сажусь за руль и жму на газ.

— Ну как тебе папка, Демьян? — болтаю. — Вижу, не супер, две минуты наедине, и ты затребовал маму. Но это ничего. Мне он тоже не сразу понравился. Дадим еще один шанс, ладно? Все же папа тачку тебе подогнал крутую. Вот только как бы нам ее теперь затащить в лифт? И тебя на руках, и ее одновременно я не упру. Придется улыбаться охраннику.

Приходит сообщение от Андреевой: «Как все прошло?» И я замираю.

Глава 10

— Мама дорогая! — кричу притворно возмущенно.

Хитрый жук знает эти интонации, хохочет, катит машину и с размаха впечатывает ее в комод. Я морщусь и мысленно шлю Алексу злобные приветы. С трудом даже в голове перекиваю музыку, что шпарит из динамиков болида на полную. Надо будет вытащить батарейки и сказать, что сломалась.

Завтра приедем к Равскому и Джемме с барабаном, пожалуй.

Вдоволь наигравшись, мы с сыном садимся за стол — зевать над тарелками с супом. После скудного обеда спорим из-за подарка Алекса, в итоге я сдаюсь, мою колеса и помогаю сыну уложить толокар в кровать и укрыть одеялом. Только после этого Демьян соглашается лечь на подушку и приложиться к груди.

Убедившись, что сын и его машина крепко спят, я осторожно выбираюсь из-под одеяла, но сразу уйти не получается.

Ну до чего забавная картина! Не удержавшись, делаю пару снимков на память. Можно было бы отправить эти фотографии Алексу, но у меня нет его нового номера. А от Микаэлы было столько раздражения, что не светят ей фоточки моего мальчика.

Вернувшись в кухню, я присаживаюсь напротив шикарного букета бордовых роз и размышляю о сегодняшнем дне. В тишине это становится возможным.

Алекс. Алекс. Алекс.

При одной мысли о нем дух захватывало! Раньше. Иногда так случалось, что в место встречи я прилетала первой и ждала Алекса в аэропорту. Искала глазами знакомую макушку. Он высокий, его видно издалека. Искала, искала... И вот он, идет. Миллионер-изобретатель в мешковатых штанах, кроссовках, с рюкзаком за плечами. Завидев меня — улыбается. Всегда улыбался раньше. У меня в этот момент душа нагревалась до максимума. Распирало от счастья! Бежала к Алексу, а он раскрывал объятия! Ловил, обнимал, впивался в губы. Господи, как сладко это было! А потом горько. Когда расставались, накрывало состояние тихой истерики.

Быстро качаю головой.

Как забыть-то все?! Эмоции впечатались на клеточном уровне. Были слишком сильными. Наверное, люди не должны такое переживать в принципе. Неправильно это. Ни к чему. Лишнее. Лучше спокойно жить, плавно, по-человечески. Без вот этих адреналиновых качелей, которые вымотали душу и которые не получается забыть. На которые тянет каждый день в спокойной и правильной жизни.

Тру лицо. Внутри все клокочет от ненависти, страха и обиды. Вдох-выдох. У меня есть сын. Я должна думать о его благополучии. Прошлое остается в прошлом.

Итак, можно сделать вывод, что Алекс хотел понравиться Демьяну. Толокар не лучшая идея, но Равский явно учел возраст ребенка. Мог бы припереть что-то несуразное, до чего расти года два, как обычно делает мой отец.

С Демом Алекс не был агрессивным.

Момент, когда он прижал к себе сына, наклонился, понюхал... был неловким и мимолетным, явно не для показухи. Будто... я не знаю... искренним? Прокручиваю в голове, и мысли путаются. Мне тоже все время хочется нюхать Демьяна, он такой сладкий с рождения, родной, теплый. Это что-то необъяснимое. Несмотря на всю мою ненависть к Алексу, было приятно видеть, что Демьян ему нравится.

Личную обиду пережить можно, обиду за ребенка — нет. Однозначно.

Беру телефон, там сообщения от Андреевой — я ей так и не ответила. Еще от Лены, и несколько — по поводу реабилитации гимнасток, которыми занимаюсь. За время существования фонда мы помогли сотне спортсменов, и это повод для гордости.

Делаю пару коротких звонков по работе, после чего набираю Андрееву.

— Алла Теодоровна, добрый день! Вам удобно разговаривать?

Наскоро обрисовываю ситуацию. Продолжаю:

— Я не могу избавиться от паники, он демонстративно ненавидит меня. Уже мысли всякие, что, как только Демьян привыкнет, Алекс заберет его совсем. Еще он обронил, что находится на войне, я все не могу сообразить, о чем речь. Что я могу ему сделать? Да и никогда не могла. Максимум пожаловаться прессе. Но и тут что я скажу? Что он меня вылечил, женился, разлюбил, но обеспечивает? Да тысячи женщин, которые тянут ляжку от зарплаты до зарплаты, как моя мать всю жизнь, меня же и проклянут!

— Ива, ты много знала о его делах. Налогах, разработках. Идеях. Ты все время себя недооцениваешь. И Равский, разумеется, знает, что ты важный игрок на поле.

— Мы с вами это обсуждали, ни за что. Алекс делился со мной как с женой. Обнародовать подобное было бы предательством.

— На войне все средства хороши. Если он заберет Демьяна, тоже будешь думать о чести? Вздрагиваю.

— Если у него контракт с тем, с кем вы сказали, уже неважно. Все простят и замнут, дабы панели не ушли Китаю, как Алекс изначально планировал. Я читала новости: опять начинается космическая гонка.

— Поэтому нужно вспомнить что-то еще. Существенное. А пока постарайся настроить Демьяна против отца. У мужчин мало терпения к детям, а к рыдающим детям — еще меньше. Глядишь, и встречи сойдут на нет.

— Как это возможно? Ему год!

— Подумай, когда у сына самое плохое настроение.

Закончив разговор, я посвящаю время уборке, оттираю детский стул, на который было пролито в три раза больше супа, чем съедено. Напряженно обдумываю ситуацию.

Я не понимаю Алекса. Раньше такого никогда не было. В бизнесе он держит марку, но со мной всегда был настоящим. Прямым текстом вылеплял все, что на сердце.

Заварив чай, открываю соцсети, там еще утреннее сообщение от Лены. Ссылка на статью о «СоларЭнерджи».

Пишут, что прошлой ночью в загородном ночном клубе состоялась безумная закрытая вечеринка, которая вышла из-под контроля. Руководство «СоларЭнерджи» так весело отгуляло, что поразбивали мебель, посуду, сожгли какую-то машину, но при этом щедро оплатили расходы, и клуб не в обиде. Вдобавок устроили грандиозные фейерверки, все небо светилось.

Круто. Щедро.

Открываю видео. Борис Воеводин, друг и партнер Алекса, которого я также не видела лет сто, пьяный в хлам, с бутылкой дорогого виски, голый по пояс, под фейерверк и музыку истошно орет в небо что-то нечленораздельное. Пересматриваю несколько раз, ища Алекса на заднем плане. И пока делаю это, начинаю разбирать слова:

«Выкусите, су-уки, мы дома-а-а! Мы до-ома-а, мать вашу!»

Барабаню пальцами по столу. Парни всегда любили повеселиться, но чтобы Борис орал настолько эмоционально... Он больше по части саркастичных реплик и перепалок один на один. Зачем так радоваться возвращению в Россию? Если только...

«Я прилетел воевать. Насмерть. Держись за белый флаг».

Хватаю мобильный, звоню.

— Алла Теодоровна, бога ради, извините еще раз! Я что-то запуталась, болит у меня.

— Девочка, я в зале. Твои проблемы не единственные.

— Простите! Я быстро-быстро! Уточнить. Вадим Юрьевич, как я забеременела, говорил с Алексом насчет моего фонда, да? Только фонда?

— Ива, я не знаю, что сейчас будет с фондом. В то время никто не ожидал, что сама знаешь кто поведется на Равского. Если бы все было по плану, мы бы больше никогда не увидели твоего бывшего мужа. Я чувствую вину, ведь сама его с тобой познакомила. На мне ответственность. Если сможем снова вышвырнуть его из страны, то сделаем это.

— Вышвырнуть? Алекс не мог прилететь?

— Почему не мог? У нас свободная страна.

Я срываюсь на дрожь, картинка проясняется.

— Чего бы это ему стоило?

— Многого, не сомневайся. Моих девочек нельзя отправлять на аборт. Рита, что ты творишь?! Ты впервые видишь обруч?! А ну-ка встань нормально! Нет, это никуда не годится!.. Ива, потом договорим.

Я кладу телефон на стол. Маленькие ножки шлепают по полу, Демьян подбегает, залазит на колени.

— Ты проснулся? — ошарашенно шепчу я, целуя его в лоб. — Солнышко мое проснулось! Сейчас будем смотреть, что у нас на полдник. Хочешь банан?

Встаю за банкой пюре. Пьяный в стельку Борис вновь орет на повторе. Я режусь об его эмоции, поспешно закрываю вкладку и смотрю на сына.

Тот устремляется в спальню за подарком отца. А я... хочу ему помочь, но никак не выйду из ступора. Верчу в руках банку, кручу, не могу открыть.

Потом от отчаяния впечатываю ее в стол. Да так, что остается вмятина.

Глава 11

Я просыпаюсь, но не спешу открывать глаза. Цепляюсь за забытые, за воспоминания.
— Что-то мне не нравится эта идея. — Неуверенный голос Алекса прокатывается по коже.

Он родом из прошлого, но мои губы растягивает улыбка в настоящем.

Алекс смеется, и в его глазах столько света, что я упиваюсь им даже через зеркало.

— Все будет хорошо. Вот увидишь, — обещаю, настраивая машинку. — Я тренировалась на манекене. Пару раз.

Мы сидим в номере гостиницы перед зеркалом. На комод разложены парикмахерские принадлежности, на плечах Алекса — платок. Медовый месяц в самом разгаре, из нашего окна — чудеснейший вид. Простыни смяты после близости и валяются на полу.

Алекс смотрит на меня в отражении, барабанит пальцами по колену. Следит за тем, как покачивается моя грудь в лифчике. Такой смех берет, что сгибаюсь пополам.

— Раф, боже, ну что ты как маленький! — Принимаюсь его расчесывать. — Ты мне не доверяешь?

— У меня онлайн-переговоры важные завтра. Малыш, хорошо бы выглядеть солидно.

— К ним мы и готовимся.

— В последний раз я брился налысо лет пять назад, когда зависал в лаборатории. В то время мне не давали. Ни денег, ни чего-то другого. Возможно, это было связано с прической. Хохочу! Налысо — это крайний случай.

— Что-то другое тебе сегодня уже дали. Не дергайся, а то получится криво. — Веду машинкой по его затылку. — Я абсолютно в себе уверена! Закончила двухнедельные курсы. Капец, какие у тебя густые волосы. Мне бы такие.

Алекс улыбается, глядя в зеркало. Слушается, терпит. Я так сильно его обожаю, что выразить не могу.

На комод лежит его мобильный, на экране — тонкая трещинка. Дефект появился в тот день, когда мне отказали в визе. Алекс прочитал новость и с психу швырнул телефон на стол, да так, что экран треснул. Равский никому не доверял свои гаджеты, о ремонте речь идти не могла в принципе. Поэтому с каждой встречей я наблюдала за тем, как трещинка становилась больше, росла, превращаясь в паутину.

— Если не получится, ты ведь не будешь ругаться? — спрашиваю быстро, шепотом.

Он глухо смеется.

— Ива-а-а, — тянет. — Ива, я не хочу ходить в кепке.

— Я стараюсь, не видишь, что ли!

Демьян тычет пальцами в глаза, приходится их открыть.

— Ну что, встаем менять подгузник и завтракать? — предлагаю я живо, беру своего мальчика на руки и поднимаюсь с кровати.

Развод — событие неимоверно болезненное, когда вас двое. И многократно усложненное наличием общих детей. Красивых, славных, ни в чем не виноватых. Детей, которые появились по большой любви. Той самой, что когда-то горела пламенем, а потом взяла и закончилась.

Наша любовь выжгла меня домертва. Оставила после себя бескрайнее пепелище, усталое колючей ненавистью.

При разводе никто не вручил брошюры, что теперь делать с хорошими воспоминаниями. Куда их помещать, как от самой себя прятаться? Никто не пояснил мне, как выживать в одиночестве.

Я чувствовала опустошение. Которое нужно было заполнять чем получится.

— Как насчет маленького сладкого утенка? Не представляю, как бы без тебя справилась, — произношу вслух и смачно целую сына в щеку.

Он не реагирует, занят. Сосредоточенно катит машину, умудряясь тормозить на поворотах.

Ого, вот это успехи!

Утро проходит в безумном кипише. Я вишу на телефоне с мамой талантливой девочки с Дальнего Востока, которой мы даем грант на обучение в столице. Одеваю и кормлю Демьяна. Пытаюсь собраться сама.

Мне нравится участвовать в жизни спортсменов, помогать не словами, а конкретными действиями. Мечта о тренерской карьере также не брошена, диплом лежит в шкафу. Вот только до дела пока руки не доходят. Может, как Демьян станет старше?

Пока едем в машине к Равскому, нервничаю. И когда звонит Руслан, выпаливаю ему «привет» слишком эмоционально.

— О. Добрый день, Ива. Не отвлекаю?

— Нет. То есть я за рулем, ты на громкой. Везу Демьяна к Алексу, повидаться.

— Все в порядке? Помощь нужна?

— В плане?

— У меня есть дочь и кое-какой опыт общения с ребенком после развода. Могу дать пару советов тебе или Равскому. Из личного опыта.

— А. Буду иметь в виду! Это очень круто, Руслан. Спасибо огромное, правда.

— Не за что совершенно. Ты точно в порядке?

— Сумасшедшее время, работа в декрете, я как обычно пытаюсь успеть все, а в итоге не успеваю ничего. Но сегодня я расчесалась!

Он смеется.

— Надолго будешь свободна? Я могу подъехать, выпьем кофе. Не терпится заценить твои локоны.

Я и правда редко хожу с распущенными. Беспечный голос рождает улыбку. Руслан может быть исключительно обходительным, а мне пора жить дальше.

— У меня есть пара новых баек о хоккеистах. Кстати, и про Никиту Корнева, твоего старого приятеля, кое-что.

— Неужели разводится? — мрачно бубню.

— Тепло.

— Хах, неожиданно. Умеешь заманить! Прости, я бы с радостью, но пока не могу оставить Демьяна с отцом так надолго. Он еще слишком мал.

— Не извиняйся, я понимаю. Буду в фонде вечером, если сможешь, приезжай. Потом поужинаем. Видишь, как я упорствую?

— Вижу. Попробую договориться с мамой. Сегодня или на неделе.

— Уже пятница. В выходные я в Европе, вернусь только в четверг. Если не сегодня, то встретимся на тусовке Андреевой. Встретимся же?

— Точно. Пятница! Да, я постараюсь приехать. И да, я постараюсь выбраться на праздник. Напишу позже, подъезжаю. Целую!

— И я тебя, Ивушка.

Парковочное место свободно, меня ждут.

Достаю Демьяна из автокресла, прижимаю к себе. Шучу мрачно:

— Предложить твоему папе попросить совета у Руслана? Как тебе идея, Дем? Зададим тон этому дню?

Нервишки снова шалят. Теперь я определенно знаю больше, но легче от этого не становится. «СоларЭнерджи» были в немилости два года. Вот оно что.

Подъездная дверь открывается, и на улицу выходят Алекс, Джемма, Борис и Слава. Сегодня — полный состав. Артур отвалился еще пару лет назад, остальные в сборе.

Они в прекрасном настроении, но, завидев меня, резко обрывают разговор. Просто глядят. На меня, на сына. Все четверо.

Алекс тоже серьезнеет. Спускается с лестницы первым, я послушно иду навстречу.

— Привет, — говорю по возможности нейтрально. — Привет всем! — киваю остальным.

Джемма широко улыбается и приветливо машет. Она будто самая милая в этой компании. Борис со Славой смотрят пристально. Спускаются следом за Алексом, демонстрируя холодность.

— Привет, — произносит Алекс и поворачивается к Дему: — Как дела, парень? Крутая у тебя кепка. Дашь померить? — Ударяет пальцем по козырьку.

— Еще чего! — отвечаю за сына я. — Это наше вообще-то!

Демьян тем временем улыбается.

— Пойдешь ко мне? Мама рядом, не бойся, — болтает Алекс, зовет к себе.

Сын тянется и позволяет отцу взять его на руки.

— Вот это да! — охает Борис, трогает Демьяна за сандали. — Прикольный пацан. — Он смотрит на меня, на Демьяна. — Глаза Ивы. Сто процентов. А остальное непонятно. Да, Слав?

Вот ведь засранец Воеводин! Мы так дружили, пока я была замужем, он постоянно приезжал, жаловался на жизнь! А тут мой сын на Алекса недостаточно похож?!

— Добро пожаловать в страну, — злюсь я. — Все только и говорят, что о вашей вечеринке. Сильно соскучились?

— Вашими трудами — безумно, — парирует Борис. — Как у тебя сейчас настроение?

Теряюсь от напора.

— Расстроилась, что не позвали отмечать.

— Тебя бы там сожгли вместо машины, — шутит Алекс.

Вроде бы без угрозы в интонациях, но мгновенно хочется исчезнуть.

Два года назад я попросила Вадима Юрьевича поговорить с Алексом, попросить оставить мне фонд. Пятнадцать спортсменов готовились к операциям за границей, я вела переговоры со спонсорами. Я была в ужасе, что ничего не получится. Видимо, договориться по-хорошему не вышло. Андреевым пришлось принять меры.

Джемма подходит и расцеловывает меня в щеки, обдавая запахом духов. Говорит по-английски:

— Иванна, давайте зайдем и позавтракаем. У нас есть сладости, чай, кофе. Алекс, пожалуйста, мы все утро обсуждали. Ради меня.

— Во дворе дома детская площадка, — произносит Алекс, не отрывая глаз от сына. — Она может понравиться Демьяну. По его расписанию как раз прогулка. Если хочешь, можешь позавтракать на террасе с Джеммой. Она поздно встает и ненавидит есть в одиночестве.

Он быстро повторяет на английском. Его подруга кивает и улыбается. У меня так искренне не выходит, хотя стараюсь изо всех сил. Между ними точно есть связь. Алекс идет Джемме на уступки даже в моем отношении.

Она среди них всех как будто единственный лояльный ко мне человек.

— Я с удовольствием, — отвечаю ей. — Большое спасибо.

Борис и Славик прощаются с Алексом, его девушкой и Демьяном. Кивают мне и уходят. А мы четвером заходим в подъезд, затем — в двухэтажную просторную квартиру.

Сначала Джемма, потом я и последними — Алекс с Демом.

В кухне-гостиной панорамное окно во внутренний, утопающий в зелени двор. На небольшой террасе под навесом стоят стол, стулья. Я скромно присаживаюсь на один из них.

— Сейчас все принесу, — обещает Джемма и торопится в квартиру.
Алекс ставит Демьяна на землю, тот сразу направляется к песочнице.

— Смотри за ним! — прошу я. — Пожалуйста!

Алекс оборачивается, на мгновение наши глаза встречаются, и я вижу в них эмоции.
Которые тотчас гаснут. Алекс кивает и идет к сыну.

Я смотрю им в спину и не знаю, что думать. Он ведь не хотел ребенка категорически!
Даже слышать не хотел!

Что изменилось?

Джемма возвращается с подносом и вновь улыбается. А я не могу! Господи, да что это
за пытка-то!

Глава 12

— Приятного аппетита! — произносит Джемма по-русски. — Похоже? Получилось?!

— Здорово! Спасибо, и тебе приятного аппетита.

Она улыбается, разливает чай и продолжает на английском:

— Русский звучит грубо. Сколько раз думала, Алекс ругается с отцом, а они обсуждали погоду! Или вообще корм для кота. Казалось, я с ума схожу!

Мой английский не сравнится с английским Алекса, но разговаривать на бытовом уровне я могу. Вежливо улыбаюсь, наблюдая за сыном. Тот тоже постоянно возвращается глазами ко мне, проверяя, на месте ли. Алекс ему подает лопатки, ведерко.

— Как тебе в Москве, Джем? — Моя очередь поддерживать беседу.

— Пока не поняла, все непривычное. Мужчины мрачные, молчаливые. Никто не улыбается. Все чем-то заняты. И кажется, что все друг с другом ссорятся! Алекс говорит, что это я еще русских женщин не знаю.

Прыскаю.

— Русские женщины не подарок, это правда. Наверное, поэтому он привез с собой тебя.

— Наверное! Он сказал, что если его встретит полиция прямо в аэропорту, то это нормально. Не пугаться. Говорит такой: «Спокойно езжай в отель, прими ванну с пеной. В России все так делают. Потом возьми пару экскурсий и билет домой». Я просто в ужасе каждый раз, когда мы проходим мимо полицейских.

Аж голову поворачиваю.

— Алекс, скорее всего, пошутил.

— Сомневаюсь, он нечасто шутит. Сказал, что договорился, но... — Джемма задумывается и произносит на ломаном русском: — В рот он ебал их обещания. Похоже?

— Да... Ой, извини, я на минуту!

Соскакиваю с места и бегу к песочнице. Хватаю Дема за руки.

— Нельзя бросать песок в девочку. В глазки попадет. Демьян, давай лепить что-то вместе. Бросать не нужно!

Поясняю свою реакцию:

— Я знаю этот взгляд. Сын может в игре увлечься и случайно обидеть.

— Смотрите лучше за своим ребенком, если он так делает, — отвечает женщина, не отрываясь от телефона. Ее дочь копает рядом. — В нашей семье не принято обсыпаться песком. Я думала, у всех так.

Мы с Алексом совершенно случайно пересекаемся глазами, они на одном уровне, и это не значит совершенно ничего. Просто обмениваемся секундным раздражением.

В этот момент девочка зачерпывает совком песок и, как в замедленной съемке, на наших глазах высыпает его прямо на голову Демьяна.

— Алекс! — ахаю я.

Тот быстро отводит совок, но поздно!

Демьян крутит головой, и песок осыпается на его лицо, попадает в рот, глаза. Ощущения сыну не нравятся, и начинается рев.

— О нет! Салфетки остались в сумке, — суечусь я, аккуратно отряхивая лоб.

Да какое там! Дем весь в песке. Поднимаю его, рыдающего, на руки.

— Ива, чем помочь? — спрашивает Алекс. Сам смотрит в сторону женщины: — А говорили, не принято в вашей семье, — продавливая интонациями.

Женщина, смутившись, извиняется.

— Покажи, где ванная, пожалуйста.

Через минуту я умываю сына над раковиной, Дем плачет от обиды и разочарования, из-за того, что глазки режет. Жалею его, прижимаю к себе.

— Ну все-все. Сейчас отпустит и полегче станет. Так вышло, малыш. Эти песочницы — вечное поле боя.

— Мамаша от телефона так и не оторвалась. Надо было его запулить в стену.

Усмехаюсь.

— Выживание на детских площадках: нужно следить и за своими, и за чужими детьми. Не знаешь, кто что выкинет. Такое было уже пару раз. Мы часто гуляем с Леной и Гордеем, эти двое вечно друг другу жизнь усложняют.

Алекс стоит в дверях, скрестил руки на груди, наблюдает.

— Не понимаю, как это произошло. Я же в полуметре сидел. Такая девочка славная. На вид. В розовом платье.

— Тебя жизнь ничему не учит в отношении милых девочек? — не удерживаюсь от небольшой колкости. Теперь я знаю больше, и готова об этом поговорить.

Он тоже слегка улыбается. Окидывает внимательным взглядом и выдает с мстительным удовольствием:

— Не помню в своей жизни милых.

Закатываю глаза, рассмеявшись. Наша перепалка вдруг походит на флирт, и просторная ванная комната на миг становится тесной для нас троих и наших воспоминаний. Я смущаюсь, отворачиваюсь. Смотрю на душевую кабину, на женский шампунь в яркой бутылке, который стоит на полочке. Улыбка мгновенно сползает с лица. Я помню, как мы купались вместе в ванной. Как стояли в обнимку под душем много-много раз.

Сейчас Алекс делает то же самое с ней. Со своей австралийской красавицей.

— Зачем ты прилетел? — спрашиваю, не выдержав. Пока мы вдвоем, пока он чувствует вину, что не углядел и его сын пострадал. — У тебя был покупатель на панели в Китае. А здесь тебе угрожали. Джемма поделилась, что ты с опаской проходишь мимо полицейских. Да я и так по всем вам вижу: ты, Борис, Слава — все дерганые.

Алекс приближается, отряхивает остатки песка с виска Дема. Снимает сандалии, носочки.

— Как думаешь, скоро он ко мне привыкнет?

— Я даже не представляю, как Китай отреагирует на то, что вы взяли и передумали, — продолжаю я.

— Отреагирует неустойкой, согласно договору, Ива. Они предсказуемы и понятны, — отсекает он.

Сглатываю, стараясь уловить намеки и полутона. Напрямую Алекс мне ничего не скажет, это уже понятно.

— Они предсказуемы, в отличие от... — Замолкаю.

— В отличие от, — повторяет он утвердительно.

— Чем тебе грозило возвращение в Россию до сделки? Я правда не знаю. Честное слово.

Он пару раз моргает, облизывает пересохшие губы.

— Обещали пятнадцать лет.

— Щедро, — шепчу, ушам не веря.

Алекс не улыбается, не дает понять, что дурит мне голову. Он дозированно выдает информацию и будто наблюдает за реакцией.

А мне становится дурно. Я шлепаю губами, как пойманная в силки рыбешка. Маленький Дем, к весу которого давно привыкла, вдруг становится тяжелым.

Алекс не доверяет тем, с кем подписал договор. Или не до конца доверяет. Вот почему заряженный ходит, дергается, психует. Мысленно ждет, что сделка сорвется и вопрос о тюремном сроке поднимется снова. Пятнадцать лет! Я физически ощущаю ужас, о котором говорила Джемма.

Алекс зовет Демьяна на руки. Вместе они рассматривают, что лежит на полочке у зеркала. Я мою руки, убираю волосы за уши. Распустить их было плохой идеей: мешаются. Да и бессмысленной, наверное.

— Не понимаю. Ты что-то сделал, чтобы сесть аж на пятнадцать? — Голос звучит сипло. Мы размышляли, чем можно Алексу пригрозить в то время. — Налоги. Там же три... Максимум.

— Обязательно нужно было что-то сделать?

— Я надеюсь, ты решишь эти проблемы. Не хотелось бы, чтобы отец Демьяна сидел. Да еще и так долго.

— Об этом стоило беспокоиться раньше, Ива.

— Я не знала! — выпаливаю, не выдержав уровня сложности. — Думала, ты все это время не приезжаешь, потому что сам не хочешь!

Алекс оборачивается и произносит:

— Я два года не был на могиле матери и ни разу не видел сына.

Его спокойствие режет бритвами. Оно неестественно. Потому что по природе своей Алекс совсем не спокойный. Он яркий, эмоциональный, горячий. Близким людям легко признается в том, что на сердце. Сейчас его чувства под надежной броней. Но даже так я ощущаю их горечь.

Которой у меня тоже достаточно.

— Зато у тебя была другая интересная жизнь, за которой мы следили по новостям. Наконец-то без перелетов, которые ты так ненавидишь.

Смотрим друг на друга, я дышу рвано, поверхностно. Лицо Алекса — непроницаемо. В глазах лед.

Он был прав. Нам не стоит разговаривать. Можем испортить хрупкий мир, оба не перегорели.

Алекс произносит спокойно:

— Я понятия не имею, как общаться с собственным ребенком. Ты прекрасно знаешь мою историю: от меня отказались. И вспомнили, только когда мое имя было везде. Еще эту книгу тупую выпустили, которая по миру разошлась. Я живу под этим гребаным давлением с мыслью, что мой ребенок повторяет мой путь.

Чувствую холодок и быстро стираю влагу со щеки.

— Ты его не хотел, Алекс. Поступил именно так, как твои родители. Отправил меня сам знаешь куда! Ты создал эту ситуацию, иного выхода не было, кроме как обратиться за помощью к Вадиму Юрьевичу. На его способы решить проблему я повлиять не могла.

Я хочу отнять сына, но Алекс делает резкое движение головой.

Смотрит на Демьяна, улыбается. Демьян тут же наивно улыбается в ответ. Алекс смеется, тянется и чмокает его в лоб, надувает щеки. Дем хохочет и тоже надувает свои. Он отходчивый. Вредных девочек прощает быстро. Забывает о неприятностях, которые те причинили.

А вот его отец научился не прощать.

— Я не хотел его, Ива. И да, ты права, мои родители меня не хотели. Но одно дело — не хотеть гипотетического ребенка, другое — отказаться от уже рожденного. Ты читала последнюю главу книги моей биоматери?

— Эту убогую книжонку я даже в руки брать не буду. О тебе там ни слова правды.

— Разве? — иронизирует он. Направляется к выходу. — Идем. Джемма психует, когда завтракает одна.

— Алекс, — окликаю я.

Он оборачивается.

— Если бы ты мог, ты бы прилетел после рождения? Не ко мне. К сыну. Скажи, прилетел бы? Я все время мучилась. Мне надо знать.

Он криво улыбается:

— Я и прилетел. Где я сейчас, по-твоему?

Алекс несет Демьяна в кухню-гостиную, а у меня кожу покалывает так сильно, что не могу с собой справиться пару вдохов — иду нарочито медленно.

В комнате светло, красиво, и у Дема разбегаются глаза. Он не знает, какие шкафчики выдвигать первыми, поэтому, помешкав, просто плюхается на пол и играет с тюбиком зубной пасты, которую прихватил с собой.

Пытка продолжается. Я присаживаюсь рядом, Алекс, напротив, отходит к окну.

— Все в порядке? Не понимаю, русские ругаются или обсуждают корм для кота? — шутит Джемма. Протягивает Демьяну мягкую упаковку фруктового пюре.

Я улыбаюсь в ответ, быстро вытирая щеки. С раздражением понимаю, что она мне симпатична. Помогаю Дему справиться с крышкой.

— В порядке, детка. Я накосячил, как и думал, — отвечает Алекс. — Двухлетка в розовых босоножках оказалась проворнее.

— Ива, дай ему еще один шанс. Мы с Алексом очень ждали знакомства с Демьяном. Он не признается, но ужасно нервничает.

— Не пали. — Алекс натянуто улыбается, выходит на террасу и закуривает.

Демьян тем временем встает на ноги и несет выкидывать пустую упаковку. Джемма подсказывает, где мусорное ведро.

— Фу! — объясняет Демьян и выбрасывает упаковку от пюре. Потом хватает с пола едва начатую зубную пасту и заявляет: — Фу!

— Дем, это не мусор. Демьян, погоди, давай отнесем обратно, туда, где ты взял. — Поясняю Алексу: — В последние дни это его самый любимый момент перекуса — выбросить упаковку.

Демьян возмущается, выкручивается.

— Пусть, — разрешает Алекс.

Я пожимаю плечами. Сын врывается в роль мусорщика. Расправившись с пастой, он открывает первый попавшийся шкафчик и находит там стопки салфеток и одноразовой посуды. Изрекает с восторгом:

— Фу!

— Алекс, он все выбросит, что найдет, если не остановить.

Развожу руками.

— Пусть делает что хочет, — говорит Алекс, вновь затягивается и выпускает дым через рот и нос.

Меня потряхивает.

Джемма смеется. Я перевожу глаза на мусорное ведро и вижу в глубине упаковку от презервативов. Боже.

Боль такая острая, что приходится призвать всю выдержку, чтобы ее скрыть.

И правда «фу». Быстро отворачиваюсь и отхожу.

— Ну все, хватит. Дем, нам пора домой.

— Пусть играет, это же салфетки! — гостеприимно успокаивает Джемма. — Ива, я читала, что ты в прошлом занималась гимнастикой. Это мечта! Сколько лет ты посвятила спорту?

— Семнадцать, — улыбаюсь. — Каждый день по восемь часов в зале.

— Сколько? — поражается она. — Когда же ты веселилась? Тусовалась с парнями? Путешествовала?

— Я занималась спортом семнадцать лет, каждый день своей жизни, а потом встретила Алекса.

Глава 13

Иван Зиновьев мне никогда особенно не нравился, хотя по всем параметрам должен был. В то время мой брак длился уже год, и я была настолько ослеплена мужем, что всерьез и подумать о другом мужчине не получалось.

У меня были Алекс, учеба сразу на двух факультетах, тренировки, к которым я вернулась, пусть и в лайтовом режиме. Фонд и настоящая студенческая жизнь с друзьями и вечеринками.

Но самое главное, у меня был мой Алекс. Сложный, невероятный, ослепительный. Мужчина, по которому я сходила с ума и которого ревновала до изматывающего и тошнотворного безумия. Вокруг него вились десятки женщин, журналисты строили теории, проводили расследования. Я не понимала, где реальные фото, а где фотошоп. Заедала отчаяние конфетами.

Алекс говорил, что верен, и я надеялась на это всем сердцем, иначе бы не смогла продолжать быть с ним. Бороться за брак на расстоянии.

Когда накрывало в очередной раз, мы ссорились. Ругались. Он обычно уходил от выяснений отношений, отключал телефон, дабы не наломать дров. Последнее злило невероятно сильно, и я провоцировала с особым остервенением. Потому что пауза воспринималась не иначе как игнор.

Мы поссорились в очередной раз из-за переноса отпуска на следующий месяц. В пух и прах разругались! Я не могла больше сидеть в квартире и ждать, пока Алекс остынет и что-то сделает, — пошла на свидание.

Ваня учился в нашем университете тоже на тренера, работал в фитнес-центре и безумно смешно рассказывал байки с соревнований. А еще его совсем не смущало, что я замужем. Тогда мне показалось, что он смелый и дерзкий, в действительности — Зиновьев просто не догонял. Как позже выяснилось.

Мы пару раз пообедали, ходили в театр, а потом, в одну из пятниц, кино на вечерний сеанс. После решили прогуляться. Фильм был довольно откровенный и зажигательный. Мое брошенное на произвол судьбы либидо требовало приключений.

Я не отвечала на сообщения Алекса три дня. Мокрый после дождя асфальт пах летом и какой-то неведомой романтикой, Ваня обнял за талию и спросил, какая сцена в фильме понравилась мне больше всего.

Именно в тот момент, когда мои щеки загорелись, к нам подошли трое мужчин. Это были Борис Воеводин и, судя по всему, два его охранника. Я отпрянула от Вани, но было поздно.

— Ты что, блин, здесь делаешь? — дернулась сразу, когда Борис попытался взять под локоть. — Ты за мной следишь?!

— На минуту, Ива.

— Чудесно! Это Раф заставил или собственная инициатива?

Борис только отмахнулся.

— Пройдемся, Ив.

— Не трогай меня! Вечер пятницы, я отдыхаю с друзьями и отчитываться не намерена. Тем более перед тобой.

— Машина вон там. Ты сейчас пойдешь и спокойно сядешь на заднее сиденье.

— А Ваня? — нахмурилась я.

— Что происходит, мужики? — встрял Иван. — Мне уже пора, я девушку до метро провожал.

Рядом с ним стояли два профи, и Зиновьев не спешил рваться в драку. Борис повел меня к машине, краем уха услышала:

— Ты в курсе, что девушка замужем? Колечко на пальце ни о чем не говорит? Кого ты, еблан, лапаешь?

— Она сказала, что свободна. Какое еще колечко? Она его снимала!

Я округлила глаза и аж воздухом подавилась от такой наглости. Встала как вкопанная, обернулась. Ваня утверждал, что его не смущает мой статус и что мы ничего такого не делаем. Борис скрестил руки на груди.

— Пацан, ты кому рога наставить собрался? Алекс Равский, имя ничего не говорит? Тебе капец.

— Да она сама меня позвала! Сама напрашивалась, уговаривала! Я откуда знаю, что у этой сучки в голове?! Ну захотела, ну я и согласился. Не железный же!

Меня затрясло. Борис резко подошел к Ивану, с размаху толкнул. Рывкнул:

— Капец. Ты совсем тупой, я вижу! Как ты ее назвал?!

Он замахнулся для удара! Я отвернулась. Быстрым шагом понеслась в противоположную от машины сторону, натягивая полы косухи, в которой вдруг стало холодно. Слезы жгли глаза, пустота внутри была невыносимой, превратившись в вакуум горечи и стыда. Было абсолютно плевать, что ждет Ивана, который так легко спихнул всю вину на меня. Я просто хотела исчезнуть.

— Ива! Ива, подожди! — Борис побежал следом.

— Отстань от меня! Тоже бить будешь?!

— Да нет же! Домой отвезу. И все. Угомонись, а? Ива?

Обернулась.

— Он знает, да? — Получилось обреченно. — Я ничего не хотела такого! Алекс вечно где-то занят! Я не могу просто сидеть и ждать! — Слезы хлынули ручьями. — Просто ждать! Он следил, да? Он мне не доверяет?

— За тобой охранник присматривает. Пожалуйста, сядь в машину.

— Отвали!

Я забежала в торговый дом, оттуда вызвала такси. Едва зашла в квартиру, включила ноут. Алекс позвонил примерно через минуту.

Духу не хватило сбросить. Села за стол и приняла вызов. Он смотрел с экрана ноутбука и молчал. Родной, близкий и одновременно далекий. Смотрел на меня с другой стороны земного шара, масштабы расстояния между нами были почти космическими. Покрасневшие то ли от недосыпа, то ли еще от чего-то глаза Алекс через несколько секунд отвел в сторону. Я закрыла лицо руками, потеряла от немого отчаяния.

Пришло четкое понимание, что наши отношения прямо сейчас трескаются так же, как экран его мобильного. Алекс нервно крутил телефон в руке, пальцы слегка подрагивали. Трещина, появившаяся на телефоне в тот момент, когда мне не дали визу, с тех пор только росла.

— У меня ничего ни с кем не было, — произнес Алекс рвано. — Я не знаю, как это доказать тебе. У меня не осталось слов.

Он провел по волосам, с силой потер лоб. А потом мы встретились глазами.

Я увидела в его — боль. А еще пустоту, усталость, но это было и раньше. Боль же я считывала не так часто и в глубине души упивалась ею. Потому что иначе не понимала, как успокоить себя. Раз болит у него, значит, любит. Значит, чувства сильны даже там, на другом континенте. Если я могу причинить Алексу такую сильную боль, значит, он мой. По-прежнему.

Я смотрела в его глаза и будто наполнялась. Взращивала уверенность в себе и отношениях, которую совсем растеряла из-за желтой прессы, лишнего веса и бесконечных разлук.

Я впитывала в себя его страдания и молчала.

— Ты с ним что? Как? — Алекс опустил глаза, пальцы громко отбарабанили по столу.

— Мы просто друзья. Как ты со своими телками.

— Черт. — Он съехал по стулу вниз, закатил глаза.

— Ты следишь за мной. Если я начну за тобой?

— Следи, — развел он руками. Повернул камеру, показал стену за спиной, какой-то перевернутый стул, поломанный шкаф. — Я живу в лаборатории.

— Я учусь и работаю. Занимаюсь фондом.

— Вечерний сеанс, Ива. Вы шли в обнимку из кино. Ты моя, мать твою, жена. Моя женщина!

В его глазах полыхнул огонь, следом — снова резкая боль. Алекс прищурился, отвернулся. Прикурил и крепко затянулся.

— Ты что думаешь, я с ним сплю? Seriously?

— Мне хуево капец сейчас.

— Когда мы увидимся? Я не видела тебя пять недель. В отпуске, который будет через месяц? Или ты его опять перенесешь? У нас была годовщина, которую я отметила одна!

— Я прислал тебе подарки.

— В жопу их. Я хотела тебя. А слышу только «потерпи, потерпи».

— Мы отстаем по этапу, ты знаешь. Космос — это капец. Это сложнее, чем я думал. Китай заплатит только после второго этапа. Я с первым бьюсь. Мне хуево.

— Бейся, это твоя работа. Я что сделаю? Я в этом не понимаю ничего. Позвони докторше наук, которая с тобой на фото мелькает всюду под заголовками «Новый служебный роман». Ты с ней обедаешь и ужинаешь. Может, и напряжение сбрасываешь. В своей лаборатории.

— Ива. Пожрал пару раз. Я уже не могу на эту тему оправдываться. — Алекс вспыхнул как от искры. И сразу потух.

— Я тоже просто кино посмотрела. Тебя нет, я все время одна. Если бы был отпуск...

Раздражение в его глазах резануло, но я проигнорировала. Алекс дернулся и произнес тише:

— Я на нуле сейчас. Денег нет. Все вложено.

— Может, ты не такой гений, как думал?

— Может. Я не знаю.

В этот момент я вдруг увидела нас со стороны. Сначала Иву с Рафом, а потом — маленькую Иву с ее папой. Маленькая Ива не могла выучить сложный элемент с мячом, поделилась с отцом и ждала поддержки. В идеале она бы хотела, чтобы папа смотрел, как дочка тренируется перед ним, хвалил или поправлял. Чтобы он запомнил название какого-нибудь элемента и, когда получилось бы, обрадовался! Ведь это было так важно для маленькой Ивы. Папа сказал: «Может, это просто не твое? Не всем суждено быть чемпионками. Ты обычная, хорошая девочка. Ива, уйди, я смотрю кино».

Кольнула мысль: «Да что я делаю сейчас?!»

Я плотно сжала губы, покачала головой, а потом... расплакалась. Прочувствовала потому что. Боль Алекса наконец прочувствовала полностью. И поделилась своей. Любовь — это не только красивые слова и поступки. Иногда это — признать свою уязвимость и принять уязвимость партнера.

Я усаживаю Демьяна на стул, растягиваю бумагу для проектора и включаю мультфильм. Такому маленькому мальчику рано смотреть телевизор, но иначе подстричь ему ногти или волосы просто невозможно! Зимой еще ладно, в шапке, а как лето настало, каждый второй считал своим долгом напомнить, что мой мальчик с хвостиком похож на девочку. Причем специально этот делал, ведь одежда-то пацаньяча на ребенке.

Поэтому я иду на хитрость. Демьян смотрит мультфильм через проектор, я — стригу его. Волосы растут быстро, за год приновилась и делаю довольно стильные прически. Легко выбриваю молнии. Наклоняюсь и целую сыночка в лоб. Он крутит в руках мягкого зайца, подарок Алекса.

Прошла неделя ежедневных встреч, мы более-менее пришли к компромиссу. Болезненному для меня, но необходимому для сына.

Мы с Равским — два упертых амбициозных барана. Но, несмотря на это, компромисс могли найти всегда. Практически.

После того разговора по видеосвязи я не спала полночи. Около трех написала Алексу: «Прости меня. Я очень тебя люблю. И очень по тебе скучаю». Он ответил: «Я по тебе тоже. Капец как».

Через два дня утром кто-то позвонил в дверь. Я собиралась по делам фонда и не ждала гостей. Думала, может, курьер? Алекс заваливал подарками по поводу и без. Открыла дверь, а там он стоит. Собственной персоной.

Бледный, аж зеленый. Глаза воспаленные.

— Боже мой! Как?!

Руки затряслись. И первая мысль: прилетел, чтобы расстаться. Чтобы бросить меня, потому что сыт по горло выносом мозга и истериками. Чертов Ваня Зиновьев был ту мач?!

От ужаса бросило в пот. Алекс держал в руке невероятной красоты букет из ромашек. Я застыла, не понимая, как реагировать. И просто по-детски расплакалась.

— Ты написала, что скучаешь, — произнес он. И улыбнулся.

Волна облегчения смысла Иву Ершову-Равскую в океан счастья.

— Блин.

Бросилась ему на шею, прижалась всем телом. Он тоже обнял, поцеловал в макушку. Я задохнулась от стыда, любви и восторга. Потому что с Алексом, конечно, никто не сравнится. Все сказанные ему злые слова защипали язык. Зачем я их произносила?

— Прости. Прости меня. Прости, — зашептала. — Мой хороший. Ну что я наделала?

Он не может спать в самолетах и все двадцать три часа, что летел, работал. Алекса потряхивало, поэтому он первым делом закрылся в ванной комнате, где его стошнило. Потом долго принимал душ.

Я ждала у двери, когда выйдет, а потом опять повисла на шее. Трогала, ощупывала. Пове- рить не могла, что вот он. Поцеловала в щеку. Хотела в губы — Алекс отвернулся.

— Не надо. Прости, тошнит. Потом залижу тебя всю, сейчас плохо мне. Принеси, пожа- луйста, капли из сумки. — Кивнул на рюкзак.

Я послушалась. Пока копошилась, он сел прямо на пол в коридоре. Вот они капли!

Алекс закапал искусственную слезу в глаза. Запрокинул голову.

— Сушит от перелета, да?

— Ага. Моргать не могу. Устал, малыш. Ненавижу летать.

— Надо было изобретать телепорт, а не панели.

Он улыбнулся:

— Я не такой умный.

Я примирительно промурлыкала:

— Такой.

Села ему на колени, погладила, наклонилась и поцеловала в щеку, шею, за ухом. Алекс улыбнулся шире, поощряя, погладил по спине, и я продолжила ласкать его. Расслаблять, нежить.

— Как ты смог прилететь? Я не понимаю. У тебя же работы вал! А китайцы? Их ведь у тебя в лаборатории целая толпа. Как ты улизнул?!

— Не хочу больше разводиться, — усмехнулся он. — Свою девочку я без боя не отдам.

— Боже! Да не было у меня ни с кем ничего. Ну что ты в самом деле. Хотелось, чтобы ты ревновал.

Почувствовала под собой твердость и машинально подвигалась на нем.

Алекс зажмурился. Обнял крепче. Нервно, грубо, показывая, как нуждается. Я влажно поцеловала его шею, стащила через голову майку. Он приспустил боксеры. Все так же молча. А я сдвинула в сторону стринги. Юбку не трогала, пофиг уже было.

Наши пальцы переплелись.

Я насадила на него. Быстро, полностью. Захлебнулась ошеломительным удовольствием от знакомого и желанного растяжения. Прогнула в спине. Забилась от кайфа, громко застонала, впившись ногтями в ладони. Алекс тоже застонал, отпустил руки, чтобы сжать мои ягодицы. Притянул к себе. Вдавил сильнее. Вошел максимально глубоко, пока не вскрикнула. Удовлетворенно выдохнул.

Распахнул глаза и посмотрел исподлобья.

Я приподнялась и опустила. А потом еще раз, и еще.

Он громко дышал. В глазах плескался жутковатый коктейль потребности, дикой мужской жажды, пробирающей до косточек. Мой. Только мой. Я задвигалась быстрее, Алекс снова зажмурился и кончил в меня.

И хотя я сама не успела достигнуть пика, от процесса получила безумное удовольствие и удовлетворение. Кожа пылала, во мне словно вновь запульсировала энергия. Я ожила и улыбнулась. Прижалась к Алексу душой и телом. Он размеренно дышал, молчал. Лишь поглаживал по спине. Отдыхал.

К тому моменту мы не предохранялись презервативами примерно полгода. Я убедила, что все будет хорошо, и он поддался, сильно хотел меня без резинки.

— Когда ты меня провоцируешь, мне хочется убивать, — проговорил Алекс. — Ива, девочка. Я никогда не был ревнивым раньше.

— Никогда не любил так сильно?

Он сделал глубокий вдох-выдох. Потом мы быстро освежились в ванной, и Алекс немного пришел в себя. Повел меня в постель и любил. Долго, уже без неадекватной горячки, торопящей события. Он любил меня на простынях в разных позах, доводя до жалобных стонов и иступления.

Вспотевшие и горячие, мы спали в обнимку, синхронно крутясь с боку на бок в его темпе. Каждый раз, меняя положение, вновь стыковались и прижимались друг к дружке.

— Через месяц еще раз подадим на визу, — произнес он. — Я сделал от нас бешеные пожертвования этим ебучим дельфинам. Сука, ненавижу тупых рыб. Дашь интервью от своего фонда. Как раз будет год с прошлой подачи.

— Это не рыбы, Рафа.

— Я их так культурно унижаю. Мы им ничего плохого не сделали. Особенно ты. Почему такая жопа, я ничего не могу понять. Никто для них так много хорошего не делал, сколько мы за это время. И ни хрена. Целый год я тебя трахаю во сне, просыпаюсь один, и хочется орать.

— Если нам снова откажут?

Алекс потер лицо.

— Думать не хочу. Стораю я без тебя, сама видишь. Постоянно представляю, как ты здесь, мысли всякие. Я умом двигаюсь на почве ревности. Когда охранник позвонил и сказал, что ты пошла порнуху смотреть с каким-то хреном, я сломал мебель в комнате. У меня такого никогда не было. Если была измена — похрен, до свидания. Здесь же меня просто скрутило от... — Он вдруг замолчал.

Я мысленно добавила: «От боли». Зацеловала его. Озноб бил, чувства рвали грудную клетку.

— Я поправилась на пятнадцать килограммов, я думаю, тебе не стоит так переживать...

— Ты офигенно красивая.

Я без слов прижалась к нему, устроилась на груди. Через минуту прошептала:

— Ревность мне знакома. Знакомо то, о чем ты говоришь. Я живу в боли.

— Сдуреть можно, так сильно любя на расстоянии. Просто сдуреть.

Я сдуваю феном с Демьяна остатки состриженных волосков и люблюсь результатом. Мультфильм как раз заканчивается, и Дем требует следующий.

— Ладно, еще один, последний, и нужно выдвигаться. Хорошо? У нас впереди приключение. Настоящее! Ты не можешь помнить Аллу Теодоровну, видел ее пару раз за жизнь, когда она приезжала в фонд по делам. Но сегодня предстанешь перед моей наставницей во всей красе! Она немного резковатая, но очень хорошая. Она — тот человек, который верит в меня. Связь между тренером и спортсменом описать сложно, Дем. Она крепче родства, наверное. Я хочу, чтобы ты знал людей, которые мне дороги.

Я приняла приглашение и еду на праздник в загородный дом. Беру с собой Демьяна и маму, которая согласилась взять пару выходных при условии, что у меня там состоится свидание с Русланом.

Состоится, да.

Алекса на празднике не будет. Я предупредила его, что выходные придется пропустить, и он не возражал. Во всяком случае, у него своя жизнь. Новая девушка, какие-то сумасшедшие проекты. Он и так всю неделю по полдня проводил с ребенком. Мы вместе гуляли, кормили Демьяна, один раз я даже уложила Дема спать в квартире отца. И сама вырубилась. Наверное, было не слишком вежливо, но из-за происходящего я так сильно нервничаю, что устаю больше обычного. Джемма ждала на обед, мой организм был не готов к такому и выключил меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.